J 94/177

2007050109

Ф 94
177.

О ВЛІЯНІИ ЦЕРКВИ НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ПРАВА.

Мм. Гг.

Наука, о которой мнѣ первому приходится говорить предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ, очень не давно введена въ кругъ обширнаго университетскаго курса и еще позднѣе получила самостоятельное положеніе въ ряду другихъ юридическихъ наукъ. Не далѣе, какъ въ прошедшее царствованіе въ обширной семьѣ разнородныхъ наукъ, входящихъ въ составъ университетскаго образованія, ей впервые указано было мѣсто въ связи съ другими отдѣлами богословскаго знанія; церковное право должно было служить какъ бы дополненіемъ къ остальнымъ частямъ богословской науки. До тѣхъ поръ церковные законы были изучаемы только въ духовныхъ школахъ; но и здѣсь только съ конца прошедшаго столѣтія и притомъ исключительно съ практической точки зрѣнія. Въ духовныхъ академіяхъ предписано было читать Кормчую и книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ для того, чтобы, по выходѣ изъ школы, на церковной службѣ, прилагать свои знанія къ разнымъ случаямъ, встрѣчающимся въ приходской практикѣ. О научномъ характерѣ и значеніи церковнаго права не было рѣчи. Только съ расширеніемъ факультетскихъ спеціальностей, при новомъ распредѣленіи факультетскихъ наукъ, церковное право, вмѣстѣ съ церковною исторіей, было отдѣлено отъ богословія и ему

указано было самостоятельное положеніе въ ряду наукъ юридическихъ. Это перемѣщеніе церковнаго права изъ одной группы наукъ въ другую, изъ богословской въ юридическую, совсѣмъ не было одною только внѣшнею перестановкою; оно должно было существенно повліять на самый характеръ науки, перестановить центры научнаго тяготѣнія и отразиться на самомъ направленіи науки. Я вовсе не думаю сказать, чтобы отдѣленіемъ церковнаго права отъ богословія разрывалась существенная связь его съ христіанскою догматикою и моралью, или чтобы перемѣщеніемъ церковнаго права въ кругъ наукъ юридическихъ для него указывались другія основанія или вводились другія начала, противоположныя тѣмъ, на которыхъ наука доселѣ основывала свою систему. Нѣтъ. Введеніемъ церковнаго права въ семью наукъ юридическихъ указывается только новая задача, къ разрѣшенію которой должна стремиться эта наука, и новый методъ, которымъ она должна идти къ своей цѣли. Церковное законодательство, въ связи съ другими юридическими науками, должно быть обработываемо и изучаемо не съ внѣшней только практически-утилитарной стороны и не съ богословской точки зрѣнія, но въ связи совсѣмъ движеніемъ правой жизни человѣчества, во взаимодѣйствіи церковныхъ и государственныхъ институтовъ. Каноны церкви должны явиться, при такомъ изученіи, не внѣшними только нормами для чисто-практической дѣятельности, но выраженіемъ историческихъ, бытовыхъ отношеній церковной жизни въ связи съ общимъ строемъ государственныхъ учрежденій. Наука церковнаго права будетъ уже не theologia externa или practica, какъ называли ее прежде, но становится въ живое отношеніе съ другими юридическими науками.

Какъ въ человѣческой жизни, въ мірѣ внѣшнихъ фактовъ, каждое новое явленіе не вдругъ и не скоро приводится въ надлежащую связь съ существующимъ и уже установившимся порядкомъ; напротивъ иногда нужно не мало времени и усилій, даже борьбы для того, чтобы новое явленіе стало въ правильныя отношенія къ прежнимъ, получило среди нихъ надлежащее значеніе; также точно

бываетъ и въ мірѣ идей и въ области наукъ. Новая наука нескоро и не безъ усилій занимаетъ принадлежащее ей положеніе въ ряду другихъ установившихся, авторизованныхъ, такъ сказать наукъ-старожиловъ. Какъ новый членъ семьи, хотя и принятый, оффиціально въ нее введенный, она не вдругъ вступаетъ въ органическую связь съ другими сочленами; связь эта вначалѣ представляется какъ-то болѣе внѣшнею; внутреннее родство сознается неясно, и только сожительство подъ одною кровлею, въ одинакихъ внѣшнихъ условіяхъ, среди одной обстановки заставляетъ предполагать существованіе родственныхъ отношеній между ними. Не мало требуется времени и усилій для того, чтобы, эта внѣшняя, повидимому случайная связь обратилась въ живую, внутреннюю, органическую, чтобы въ семейномъ кругу наукъ почувствовалась живая, неотвлеченная только нужда въ присутствіи, дѣятельности, въ образовательномъ вліяніи и значеніи этой новой науки И какъ въ жизни людей, такъ и въ жизни наукъ къ этимъ невыгодамъ, почти неизбѣжнымъ при всякомъ новомъ положеніи, присоединяются еще разныя недоразумѣнія, по наслѣдству доставшіяся предубѣжденія, незнаніемъ поддерживаемыя антипатіи, которыя еще болѣе затрудняютъ и безъ того не легкое дѣло сближенія наукъ. Науки, въ этомъ случаѣ, неизъяты отъ измѣнчивости общественныхъ вкусовъ и симпатій; въ одно время онѣ сами даютъ направленіе вкусамъ, стремленіямъ и интересамъ общественнымъ; за то въ другое время онѣ выносятъ на себѣ общественную апатію, безвкусіе, какую-то умственную усталость и непонятливость. На науки по временамъ бываетъ мода, и тогда особенно поднимается запросъ и цѣна на нихъ и даже искуственно поддерживается ихъ общественное значеніе.

Съ положеніемъ новаго члена въ старомъ семействѣ я позволяю себѣ Мм. Гг. сравнить положеніе церковнаго права въ ряду другихъ юридическихъ наукъ. Сама по себѣ, по своей исторіи и содержанію, эта наука не новая; напротивъ она очень стара, много старше большей части другихъ юридическихъ наукъ. Съ старѣйшею и главною

между ними — съ римскимъ правомъ — она когда-то, очень давно, жила вмѣстѣ, въ стѣнахъ однихъ европейскихъ университетовъ, шла съ нимъ объ руку, заимствуя методы и строгую выработанность юридическихъ пріемовъ и логики, по временамъ соперничала съ нимъ, оспаривая главную роль и значеніе во всей тогдашней юриспруденціи. Но, какъ я сказалъ, это было очень давно; съ тѣхъ поръ судьба, характеръ, направленіе, самыя задачи этой науки во многомъ измѣнились и она опять очутилась въ положеніи новичка. Предъ нею опять стоятъ тѣже самые вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ для всякаго новаго члена зависитъ положеніе и значеніе въ семействѣ, среди котораго онъ поставленъ. Прежде всего она сама должна глубоко сознать ту внутреннюю связь, которая органически соединяетъ ее по содержанію, исторіи и задачамъ съ другими юридическими науками; потомъ раскрыть живую необходимость своего присутствія въ научной семьѣ, свое значеніе въ общемъ строѣ научнаго юридическаго образованія и наконецъ свои практическія задачи — прикладную сторону своей системы.

Я охотно сознаюсь предъ Вами, Мм. Гг. что эта задача для новой науки весьма не легкая. Трудность ея заключается вовсе не въ природѣ самой науки, не въ свойствахъ ея содержанія, словомъ сказать, не въ существѣ самаго дѣла. Съ этой стороны родство, внутренняя связь между каноническимъ правомъ и другими важнѣйшими отраслями юриспруденціи напримѣръ: римскимъ, гражданскимъ, уголовнымъ правомъ, съ исторіею нашего государственнаго законодательства, можетъ быть указана и раскрыта безъ особенныхъ усилій и труда. Въ исторіи римскаго права, его развитіе въ послѣдній періодъ — именно въ періодъ христіанской имперіи — совершается въ постоянной связи и подъ вліяніемъ канонической права, такъ что безъ глубокаго изученія основаній и принциповъ церковнаго права не возможно объяснить той переработки и видоизмѣненій въ римскихъ юридическихъ институтахъ, которыя происходили надъ вліяніемъ новаго христіанскаго права. Изученіе соціальной жизни средневѣковаго міра,

объясненіе того, какъ сложился юридическій бытъ новыхъ европейскихъ народовъ, со всѣмъ почти не возможно безъ знакомства съ началами и устройствомъ средневѣковой церковной жизни, потому что церковь тогда давала тонъ общественной жизни и управляла ею; а каноническое право вмѣстѣ съ римскимъ было тогда главнымъ предметомъ изученія въ знаменитѣйшихъ европейскихъ университетахъ. Оттого, въ лучшихъ исторіяхъ европейской цивилизаціи столько же мѣста дается изслѣдованію явленій жизни церковной, изученію устройства и быта церкви, сколько событіямъ жизни общественной и государственной. Въ исторіи нашего отечества связь церковнаго элемента съ государственнымъ до такой степени несомнѣнна, что стоитъ припомнить массу церковно-гражданскихъ юридическихъ памятниковъ нашей древности, обратить вниманіе на обширный кругъ предметовъ церковнаго вѣдомства и юрисдикціи, на неменѣе обширную дѣятельность церкви въ качествѣ поземельнаго собственника, колонизатора и судьи, чтобы видѣть тѣсную связь отечественнаго церковнаго права съ государственнымъ и гражданскимъ. Съ этой стороны связь церковнаго права съ другими юридическими науками и его историческое значеніе въ общемъ развитіи права есть фактъ несомнѣнный и признанный. Именно сознаніе этой связи и родства и было, какъ мнѣ кажется, главнымъ основаніемъ и побужденіемъ ввести церковное право въ кругъ наукъ юридическихъ. Просвѣщенные составители новаго университетскаго устава безъ сомнѣнія живо чувствовали, что въ громадной картинѣ, представляющей разностороннее развитіе юридической жизни человѣчества—государственной общественной, частной, политической, экономической, финансовой и пр. есть одинъ очень замѣтный пробѣлъ, одна неосвѣщенная сторона, бросающая широкую тѣнь и на другія части картины. И эта темная сторона, которую нужно было освѣтить, была именно церковь, ея институты, ея право. Ученые юристы, проэктировавшіе уставъ, безъ сомнѣнія ясно понимали, что среди наукъ, раскрывающихъ разнородныя стихіи, изъ которыхъ сложился юридическій бытъ всѣхъ образованныхъ

народовъ—стихіи римскую, германскую, славянскую и пр. недостаетъ одной науки, которая бы раскрыла каноническую стихію, ея вліяніе и участіе въ общей формаціи юридическаго быта Европы. Безъ этой стихіи иное въ правовыхъ институтахъ представлялось неяснымъ неполнымъ, происхожденіе другихъ институтовъ или видоизмѣненія въ нихъ казались не понятными; чего-то недоставало для полной ясности и цѣльности юридическаго пониманія. И вотъ эта-то потребность полноты, цѣльности и законченности, безъ сомнѣнія, послужила побужденіемъ ввести въ кругъ юридическихъ наукъ каноническое право.

Трудность указанной мною задачи заключается болѣе во внѣшнихъ условіяхъ, среди которыхъ развивалась у насъ наука церковнаго права и въ томъ направленіи, какое она получила подъ вліяніемъ этихъ условій. Съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, раскрывать которыя здѣсь я не имѣю никакой нужды, церковная жизнь у насъ рѣзко отдѣлилась отъ жизни общественной и на церковь стали смотрѣть, какъ на какое-то замкнутое учрежденіе, ограниченное однимъ самозаключеннымъ сословіемъ, и церковное право стали понимать какъ сводъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ правилъ, относящихся къ практической дѣятельности именно этого сословія, нужныхъ и интересныхъ только для него, и до которыхъ мало дѣла всему остальному обществу. Въ такомъ представленіи самое понятіе науки очевидно исчезало и церковное право сводилось къ одному уровню съ какимъ нибудь горнымъ или лѣснымъ уставомъ, который нужно знать только спеціалистамъ по службѣ. При такомъ воззрѣніи конечно не могло быть и рѣчи о внутренней связи церковнаго права съ другими юридическими науками. Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ сама наука стала усвоять себѣ методы совершенно не соотвѣтствующіе ея внутреннему содержанію, превращалась въ сборникъ отрывочныхъ положеній для руководства духовнымъ лицамъ въ отправленіи различныхъ требъ и въ церковной практикѣ. Она была поставлена въ кругъ наукъ богословскихъ и при этомъ различіе между богословскимъ и юридическимъ элементомъ въ церковномъ пра-

вѣ было утрачено; оттого и самое содержаніе науки не могло быть строго опредѣлено, въ курсъ церковнаго права вносились вопросы, принадлежащіе или богословію, или церковной исторіи, или литургикѣ и т. п. Между тѣмъ вопросы чисто юридическіе напр. объ отношеніи церкви, къ государству, церковнаго суда къ свѣтскому, о церковной собственности и пр. немогли получить твердой основы для своего разрѣшенія. При обработкѣ права церкви слишкомъ мало обращалось вниманія на движеніе современной юридической науки вообще, на вновь выработанные методы и вновь поставленныя задачи. Правовая жизнь церкви представлялась какъ будто со всѣмъ изолированною, неимѣющею никакихъ отношеній къ общей жизни человѣчества. Сравнительное изученіе права другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій не обращало на себя надлежащаго вниманія Оттого многіе современные вопросы, относящіеся къ исторіи церковнаго права, объ отношеніи между правомъ восточной и римской церкви и протестантскихъ обществъ, вопросы о бракѣ, о присягѣ, о религіозныхъ преступленіяхъ и церковныхъ наказаніяхъ, о слѣдственномъ и обвинительномъ процессѣ, о поземельной церковной собственности не привлекали къ себѣ ученыхъ силъ и трудовъ канонистовъ. Вообще историческій и юридическій элементъ въ церковномъ правѣ былъ подавленъ чисто практическимъ.

Но время такихъ воззрѣній въ жизни и въ наукѣ, повидимому, слѣдуетъ назвать прошедшимъ. Теперь уже довольно живо чувствуется истина того, что церковь не есть замкнутое учрежденіе, напротивъ должна быть по преимуществу учрежденіемъ общественнымъ, что законы, которыми управляется ея жизнь не суть законы одного сословія и наконецъ, что самое это сословіе, по законамъ церкви, не есть и не должно быть кастою. Что касается въ особенности самой науки церковнаго права, то на ея образованіе оказала могущественное вліяніе всюду пробуждающаяся потребность народнаго самосознанія, которая на Западѣ обнаружилась въ исторической школѣ, а у насъ въ стремленіи къ изученію своего прошедшаго, къ разработкѣ историческихъ, археологическихъ и юридическихъ па-

мятниковъ. Подъ вліяніемъ этаго стремленія сама собою образуется потребность каждый церковный институтъ обработывать исторически, слѣдить постепенное его развитіе и видоизмѣненія, сравнивать его съ аналогическими явленіями въ другихъ христіанскихъ церквахъ, разсмотрѣть въ связи съ политическими учрежденіями различныхъ государствъ, въ которыхъ существовала и существуетъ церковь. Какъ скоро приложенъ будетъ историко-сравнительный методъ къ церковно-юридическому матеріалу, сейчасъ же откроется, что церковное право слагается не изъ нѣсколькихъ сотенъ разрозненныхъ, безсвязныхъ и какъ бы случайныхъ правилъ, но имѣетъ дѣло съ величайшимъ изъ организмовъ, котораго исторія современна христіанству, что въ немъ должно быть представлено образованіе и развитіе такихъ институтовъ, которые имѣли всемірно-историческое значеніе, что развиваясь въ связи со всѣми другими сторонами юридической и соціальной жизни христіанскихъ народовъ, церковное право какъ само подвергалось болѣе или менѣе сильному ихъ вліянію, такъ съ своей стороны несомнѣнно вліяло на ихъ образованіе. Было бы весьма ошибочно предполагать, что въ обширной области каноническаго права содержатся только предметы исключительно относящіеся до церковнаго устройства и управленія въ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли представлять это теперь. Напротивъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками каноническаго права какъ въ западной церкви, такъ на Востокѣ и у насъ въ Россіи открывается, что множество такъ называемыхъ свѣтскихъ предметовъ и отношеній государственной, гражданской,общественной жизни, прежде принадлежали или къ непосредственной области церковнаго вѣдомства, управленія и суда, или опредѣлялись подъ ближайшимъ вліяніемъ церкви. Укажемъ для примѣра на бракъ со всѣми изъ него вытекающими отношеніями въ области частнаго права, на завѣщанія, на право наслѣдственное, на судопроизводство, на рабство и т. п. Всѣ эти и многіе другіе институты прямо, или косвенно опредѣлялись въ церковномъ-законодательствѣ, слѣдовательно основательное историческое и юридиче-

ское изученіе ихъ необходимо предполагаетъ научное знакомство съ каноническимъ правомъ. Справедливость этаго положенія живо почувствована лучшими представителями юридической науки на Западѣ; въ классическихъ сочиненіяхъ по исторіи какъ римскаго такъ и германскаго права напр. у Эйхгорна, у Савиньи въ его исторіи римскаго права въ средніе вѣка, мы видимъ, на ряду съ глубокимъ изученіемъ источниковъ римскаго и національнаго германскаго права, такое же глубокое и спеціальное изученіе источниковъ права каноническаго. Такимъ образомъ исторія церковнаго права какъ внѣшняя, такъ и внутренняя т.-е. какъ изученіе церковно-юридическихъ памятниковъ, такъ и самаго развитія церковныхъ институтовъ получаетъ особенное значеніе въ области юридическихъ наукъ. Въ наукѣ церковнаго права долженъ получить особенную важность сравнительный методъ изученія права различныхъ христіанской вѣроисповѣданій. Тогда наука церковнаго права представитъ систему т.-е. внутреннее развитіе своего предмета, а не внѣшній только порядокъ матерій, тогда ясно опредѣлится ея отношеніе къ другимъ юридическимъ наукамъ и значеніе во всей области юриспруденціи.

Для насъ, русскихъ юристовъ, всего ближе конечно право нашей отечественной церкви. Съ пробужденіемъ потребности въ народномъ самосознаніи и интереса въ изученіи церковно-историческихъ и юридическихъ памятниковъ нашего прошедшаго, право нашей церкви, исторія ея устройства, управленія и жизни нетолько религіозной, но юридической, экономической и пр. безъ сомнѣнія должны получить живой и глубокой интересъ. Опыты въ этомъ родѣ изслѣдованій мы находимъ и въ нашей литературѣ, хотя нельзя не сознаться, что не вполнѣ достаточная разработанность церковно-юридическихъ памятниковъ нашей древности и почти совершенная непзвѣстность и малодоступность ихъ за послѣднія два столѣтія не дозволяютъ нашимъ ученымъ достигнуть такихъ же блистательныхъ и плодотворныхъ результатовъ въ наукѣ отечественнаго права, какіе добыты на западѣ. Очевидно при такомъ изученіи нашего церковнаго права—вопросъ не о бытѣ одного

замкнутаго сословія, но о всемъ церковно-государственномъ строѣ нашей жизни. Стоитъ припомнить исторію нашего древняго церковнаго суда, или развитіе у насъ церковной собственности для того, чтобы видѣть, какъ далеко эти два института выходятъ за предѣлы интересовъ одного сословія и какое огромное значеніе они имѣли въ общемъ строѣ государственной жизни нашей. Тѣ же задачи, какія сейчасъ указаны были мною для общаго церковнаго права, возникаютъ и относительно нашего отечественнаго права, тѣ же методы изслѣдованія должны быть приложены и къ нашему церковно-юридическому матеріалу. Едва ли нужно говорить, что на этомъ поприщѣ изслѣдователь долженъ встрѣтиться со многими трудностями, неизбѣжными въ новомъ дѣлѣ. Нужно прежде всего разобраться въ матеріалахъ, обработать ихъ научнымъ образомъ, извлечь изъ нихъ результаты помощію монографическихъ изслѣдованій и всѣ добытыя частности соединить въ одно систематическое цѣлое въ одну научную систему. Трудъ, какъ изволите видѣть, обширный, требующій соединенной работы многихъ. Но за то и результаты такого труда будутъ соразмѣрно велики и важны для насъ. Съ одной стороны мы вполнѣ уяснимъ себѣ, какое вліяніе на наше отечественное право имѣло, чрезъ посредство церковнаго права, Византійское, а слѣдовательно и все римское право, что досталось нашему праву въ наслѣдство отъ классической древности, бывшей главнымъ источникомъ для права народовъ западныхъ, какъ наша юридическая жизнь вообще примыкаетъ въ древности. Съ другой стороны мы собственно для себя рѣшимъ тѣже современные вопросы, которые представляются при изученіи исторіи и догмы церковнаго права вообще.

Я на могъ бы въ предѣлахъ краткой академической рѣчи указать всѣ точки соприкосновенія между каноническимъ правомъ и другими юридическими науками, чтобы фактически разъяснить взаимную внутреннюю связь между ними. Къ тому же, неизбѣжная при этомъ, спеціализація по многимъ частнымъ вопросамъ и подробностямъ была бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ удобною для публичной бесѣды.

Поэтому я рѣшился ограничиться общимъ очеркомъ вліянія христіанской церкви и выработаннаго ею права на историческое развитіе важнѣйшихъ правовыхъ институтовъ. И немногихъ опытовъ въ этомъ родѣ, мнѣ кажется, будетъ достаточно для того, чтобы видѣть, въ какой тѣсной связи стоитъ историческое изученіе права каждой страны и каждаго народа съ изученіемъ положенія церкви, какъ юридическаго института, принциповъ ея устройства и управленія, началъ ея законодательства и отношеній церкви къ государству и обществу въ данный періодъ. Постараемся поставить вопросъ на историческую почву и изъ фактическихъ данныхъ вывести нужные для насъ результаты.

Христіанская церковь явилась въ то время, когда міръ римскій вполнѣ сложился, римское право вполнѣ развилось и всѣ юридическія отношенія твердо опредѣлились. Образованіе первыхъ христіанскихъ обществъ на Востокѣ падаетъ на золотой вѣкъ римской юриспруденціи, на вѣкъ классическихъ юристовъ. Между тѣмъ въ этомъ знаменитомъ правѣ было многое, что совершенно не согласовалось съ идеями новой религіи и чего церковь не могла принять и ввести въ свою жизнь. Въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій, когда церковь существовала такъ сказать внѣ государственнаго и гражданскаго порядка, когда принадлежность къ христіанскому обществу влекла за собою потерю всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, внутренняя жизнь церкви организовалась на совершенно самостоятельныхъ началахъ, и всѣ отношенія членовъ церкви къ окружающему, но чуждому имъ обществу ограничивались или внѣшнимъ подчиненіемъ и покорностію власти и законамъ государства или, гдѣ такое подчиненіе оказалось бы не возможнымъ безъ нарушенія заповѣдей религіи и законовъ церкви,—готовностію жертвовать жизнію за неповиновеніе государственной власти. Въ этотъ трехвѣковой періодъ самозаключеннаго существованія церкви въ ней успѣло выработаться свое внутреннее устройство, свое управленіе, начала общественнаго порядка и отношеній—и все это было во многомъ не согласно съ старыми порядками, жившими кругомъ христіанъ въ языческомъ обществѣ. Это были

такъ сказать два теченія, двѣ жизни одна отживающая, устарѣвшая, другая молодая, полная свѣжихъ силъ и глубокой вѣры въ свое великое будущее. Когда въ IV ст. обѣ эти жизни были приведены въ непосредственное соприкосновеніе между собою, когда церковь получила полноправное существованіе въ Имперіи, тогда открылся весь глубокій разладъ между старымъ и новымъ порядкомъ, на мѣсто прежней внѣшней борьбы, гдѣ на одной сторонѣ было превосходство матеріальной силы, на другой непреодолимое мужество и терпѣніе, явилась борьба внутренняя, борьба началъ и принциповъ. Весь періодъ отъ Константина, до Юстиніана былъ переходнымъ временемъ въ жизни общественной; старые порядки не вдругъ уступали свое мѣсто новымъ,а христіанствое ще только начинало тѣ преобразованія въ жизни государственной, общественной и гражданской, какія должно было произвести какъ религія новая, совершеннѣйшая и все объемляющая. Не имѣя возможности представить полную картину разложенія и переработки римскихъ институтовъ подъ вліяніемъ Византійскаго церковно-гражданскаго законодательства, я ограничусь здѣсь однимъ семейнымъ институтомъ и на немъ постараюсь представить великую революцію, произведенную церковію въ мірѣ древнемъ.

Основаніемъ всякаго гражданскаго общества служитъ семья; отъ чистоты и крѣпости основъ жизни семейной зависитъ прочность гражданскаго союза. И что же мы видимъ въ это время въ римской семьѣ, въ римскомъ семейномъ правѣ? Римляне, какъ и всѣ народы древности, смотрѣли на бракъ, какъ на учрежденіе политическое, назначенное для того, чтобы снабжать государство многочисленными и здоровыми гражданами. Такимъ образомъ гражданское чувство долга въ отношеніи къ государству должно было служить основаніемъ прочности супружескаго союза и бракъ былъ однимъ изъ гражданскихъ контрактовъ, который обыкновенно заключался при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Но съ упадкомъ міра древняго это гражданское чувство долга постоянно ослабѣвало. Въ то время когда явилось христіанство, бракъ былъ наименѣе тор-

жественнымъ изъ договоровъ: достаточно было одного взаимнаго согласія на видимое сожительство для дѣйствительности брака. Если супруги немогли долѣе выносить тяжести семейныхъ узъ, возможность развода была самая полная. Къ концу республики неудобства семейныхъ узъ были со всѣмъ устранены. Римляне почти вовсе перестали вступать въ законный бракъ и удовольствія жизни холостой предпочитали тяжелымъ обязанностямъ супружества. Уже законодательство должно было употребить принудительныя мѣры для того, чтобы спасти Римъ отъ запустѣнія. Августъ издалъ знаменитые законы Юлія и Паппія Поппея, главная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы всѣми средствами покровительствовать и поощрять супружество. Для этаго Августъ предоставляетъ особенныя преимущества женатому человѣку, еще большія тому изъ женатыхъ, кто имѣлъ дѣтей, и наконецъ еще значительнѣйшія тому, что имѣлъ троихъ дѣтей. Такимъ образомъ, имѣя много дѣтей, можно было обойти закономъ установленный возрастъ для полученія должности магистрата, потому что каждый ребенокъ сокращалъ положенный срокъ на одинъ годъ. Консулу имѣвшему дѣтей, предоставлялось самому выбирать себѣ ту или другую провинцію для управленія, кто имѣлъ 3 дѣтей въ Римѣ, 4 въ Испаніи и 5 въ провинціи, тотъ освобождался отъ всѣхъ личныхъ повинностей; свободныя римлянки имѣвшія 3 дѣтей и еманципированныя имѣвшія 4 дѣтей освобождались отъ постоянной опеки, которой были подчинены по римскимъ законамъ. Вообще вступленіе въ бракъ и обладаніе дѣтьми имѣло важное вліяніе на обладаніе собственностію супруговъ и на право наслѣдства. Холостые не могли наслѣдовать по завѣщанію отъ иностранцевъ, супруги, неимѣвшіе дѣтей, могли получить не болѣе половины имущества, оставшагося по смерти одного изъ нихъ; напротивъ имѣвшимъ трехъ дѣтей отдавалось все имущество сполна. Вторые браки не только были поощряемы, но предписывались; родители, почему-ли бо нехотѣвшіе отдавать своихъ дѣтей въ супружество, были принуждаемы къ тому властію. Римскимъ гражданамъ, если они не были сенаторами, дозволялось жениться на

вольноотпущенныхъ—великая перемѣна въ строгости древнихъ обычаевъ. Таково было направленіе римскаго законодательства о бракѣ. Изъ супружества, для того, чтобы заохотить къ нему, была сдѣлана спекуляція. Вступали въ бракъ, какъ говоритъ Плутархъ, и имѣли дѣтей не для того, чтобы имѣть наслѣдниковъ, но чтобы получать наслѣдство.

При такомъ взглядѣ общества и законодательства на брачныя отношенія трудно было предполагать въ нихъ прочность и чистоту. Разводъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же могло воспрепятствовать мужу бросить свою жену, когда законъ предоставлялъ ему право жизни и смерти надъ нею, когда жена была не болѣе, какъ вещію, находившеюся въ собственности мужа; если онъ не могъ ее продать, то имѣлъ право не только развестись съ нею, но публично уступить ее своему другу или сопернику, искавшему ея руки. Августъ, который самъ воспользовался этимъ страннымъ правомъ, чтобы пріобрѣсти себѣ Ливію (и при томъ беременную) жену Тиберія Нерона, сдѣлавшись императоромъ, ясно понялъ, что необходимо положить какія нибудь предѣлы этой безграничной свободѣ разводовъ. Онъ предписалъ для совершенія разводовъ нѣкоторыя торжественныя формальности, опредѣлилъ наказанія для супруговъ, которые подаютъ поводъ къ разводамъ свою безнравственностію: виновная жена теряла часть своего приданаго; виновный мужъ обязывался возвратить своей женѣ ея приданое въ опредѣленный срокъ; вольноотпущенная, если она выходила замужъ за своего патрона, лишалась всякаго права на разводъ. Но что могли значить такія палліативныя мѣры, когда самое понятіе образномъ союзѣ было унижено не только въ нравахъ и обычаяхъ, но въ самомъ законодательствѣ. „Нынѣ, говорилъ свидѣтель современникъ (Тертулліанъ), вступая въ бракъ даютъ обѣтъ развестись и разводъ сталъ роднымъ дѣтищемъ супружества.“

Подлѣ разшатавшагося гражданскаго брака въ Римѣ, ко времени образованія христіанской церкви, развился въ широкихъ размѣрахъ и получилъ легальное признаніе другой

институтъ, почти замѣнившій собою брачный союзъ. Я разумѣю конкубинатъ. Древній римскій бракъ основывался на религіозно-аристократическомъ принципѣ; имѣя характеръ гражданскаго договора, онъ обставленъ былъ множествомъ стѣснительныхъ формальностей, главная цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы оградить непрпкосновенность аристократической среды, предотвратить вторженіе въ нее низшихъ особенно не свободныхъ общественныхъ слоевъ. Новый союзъ (конкубинатъ) основывался на естественномъ правѣ, не былъ облеченъ въ требуемыя закономъ формальности и, хотя за нимъ не признавалось всѣхъ гражданскихъ послѣдствій формальнаго брака, однакоже онъ не только не былъ запрещаемъ, но признанъ законодательствомъ. Это была сдѣлка между распущенностію римскихъ нравовъ къ концу республики и строгостію законовъ Августа противъ проституціи, между отвращеніемъ Римлянъ къ формальному браку и законами того же императора противъ разводовъ. Это былъ искусственный выходъ изъ тяжелыхъ условій, полагаемыхъ для гражданскаго брака не равенствомъ происхожденія и состоянія. Если напр. лицо, облеченное въ провинціи званіемъ магистрата, желало жениться на провинціалкѣ, или сенаторъ хотѣлъ имѣть женою вольноотпущенную, или сынъ состоящій во власти родительской хотѣлъ вступить въ союзъ, на который не сопзволялъ его отецъ—во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ мѣсто формальнаго брака заступалъ бракъ естественный, которымъ, по взгляду законодательства, нисколько не унижалась честь фамиліи, или высота общественнаго положенія лица, вступившаго въ этотъ союзъ. Предъ лицемъ закона конкубинатъ вовсе несчитался безчестнымъ Основываясь на одномъ личномъс огласіи обѣихъ сторонъ, всегда безпрепятственно расторжимый, онъ не требовалъ какихъ либо торжественныхъ формальностей для своего заключенія. На женщину, вступившую въ такой союзъ, не переносилось званіе и общественное положеніе ея мужа; ей не принадлежалъ почетный титулъ матери семейства. Основанный на естественномъ правѣ, онъ и регулируемъ былъ законами, которые естественное право налагаетъ

вообще на супружескій союзъ. Такъ запрещено было имѣть многихъ конкубинъ заразъ, имѣющему законную жену не дозволялось имѣть конкубину. Что касается до дѣтей, происходящихъ отъ такого союза, то они не считались незаконорожденными, но и не признавались законными; они назывались liberi naturales, такъ какъ ихъ происхожденіе было слѣдствіемъ союза, основаннаго на законахъ природы но не соотвѣтствовавшаго положительному праву. Рожденные внѣ законнаго супружества, они непользовались гражданскими правами, не наслѣдовали въ имуществѣ своего отца не носили его имени, не принадлежали къ его семейству; но въ отношеніи къ матери они пользовались такимъ же широкимъ правомъ наслѣдства, какъ и законныя дѣти, потому что римское право признавало естественное родство ихъ съ матерью, чрезъ союзъ крови, совершенно одинаковымъ съ родствомъ дѣтей законныхъ.

Этотъ институтъ, которымъ думали обойти налагаемыя закономъ препятствія къ формальному браку, послужилъ источникомъ для множества злоупотребленій. Не было не достатка въ людяхъ, которые считали себя въ правѣ мѣнять своихъ сожительницъ по произволу, потому что не было закона, который запрещалъ бы такой произволъ; другіе пользовались конкубинатомъ для того, чтобы маскировать распущенность своихъ нравовъ и прикрывать связи, положительно запрещаемыя закономъ. Но что особенно худо, этотъ институтъ окончательно подрывалъ гражданскій бракъ и усилилъ и безъ того распространенную въ обществѣ склонность къ разводамъ. Людямъ, льстившимъ своей распущенности, не трудно было убѣдить себя въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ запрещаетъ гражданскій бракъ, онъ дозволяетъ конкубинатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ открывался неограниченный просторъ къ разсторженію браковъ и женатый уже человѣкъ, слѣдовательно, по закону не имѣвшій права бросить одну жену и взять себѣ другую, не затруднялся расторженіемъ законныхъ узъ имѣя въ виду вступленіе въ естественный бракъ, дозволенный закономъ.

Посмотримъ теперь на положеніе членовъ римской семьи и ихъ взаимныя отношенія, какъ опредѣлялись они римскимъ

законодательствомъ. Римская семья представляется какъ бы раздѣленною на два лагеря: съ одной стороны отецъ, вооруженный всемогущею родительскою властію, съ другой жена и дѣти. Въ какихъ же отношеніяхъ поставленъ закономъ отецъ къ дѣтямъ и мужъ къ женѣ? Здѣсь вся сумма правъ на сторонѣ сильнаго. Власть отца надъ дѣтьми является не столько покровительствомъ, охраною, сколько неограниченнымъ господствомъ, тираніею. По древнему римскому праву отецъ имѣлъ власть надъ жизнію и смертію своихъ дѣтей, и мы знаемъ изъ исторіи, что отцы незатруднялись фактически пользоваться этимъ жестокимъ правомъ. Брутъ казнилъ смертію своихъ сыновей, оставшихся вѣрными Цезарю, Кассій также осудилъ на смерть своихъ дѣтей за приверженность къ аграрнымъ законамъ, сенаторъ Фульвій подвергъ той же казни своихъ сыновей за преданность народному дѣлу. Судъ отеческій былъ верховнымъ, безапелляціоннымъ. Въ силу той же власти отецъ имѣлъ право троекратно продавать своего сына въ рабство и даже по двукратномъ освобожденіи законъ снова возвращалъ сына во власть жестокаго родителя. Правда во времена Имперіи суровость античнаго республиканскаго права была значительно смягчена.

Съ одной стороны право отца на жизнь и смерть своихъ дѣтей не согласовалось съ новымъ устройствомъ государства, которое стремилось сосредоточить всѣ права въ рукахъ одного лица—Императора; съ другой стороны нравы римлянъ, отъ постояннаго соприкосновенія съ другими народами, постепенно смягчались и картина отца убивающаго своихъ дѣтей возбуждала ужасъ и отвращеніе. Покрайней мѣрѣ во времена императора Трояна и Александра Севера это право фактически уже не существовало и законъ ограничилъ власть родителей одними исправительными мѣрами. Вмѣстѣ съ этимъ, хотя гораздо медленнѣе, уничтожалось и другое не менѣе жестокое право отца продавать своихъ дѣтей. Императоръ Діоклитіанъ положительно свидѣтельствуетъ объ исчезновеніи этаго права изъ области законодательства; въ сочиненіяхъ классическихъ юристовъ говорится о продажѣ дѣтей, только какъ объ юридической фикціи при со-

вершенія эмансипаціи. Но въ практикѣ это безчеловѣчное право удерживалось еще долго послѣ того, какъ исчезло въ законодательствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ указы Константина, Ѳеодосія великаго и сочиненія Тертулліана Лактанція Іеронима и др. Послѣдній передаетъ намъ жалобы бѣдной матери, у которой три сына были проданы отцемъ для того, чтобы заплатить подать въ казну.

Другія права родительской власти по прежнему оставались въ римскомъ законодательствѣ до той поры, когда проникло въ эту среду вліяніе христіанскихъ идей и образовалось другое законодательство на новыхъ началахъ. Отецъ имѣлъ право надъ всѣмъ имуществомъ своихъ дѣтей до ихъ эмансипаціи когда бы и какъ оно не пріобрѣталось; они не могли ни продать его, ни заложить, ни завѣщать; имѣніе, оставшееся послѣ матери и предковъ по восходящей линіи переходило также къ отцу. Во время имперіи до Константина, законодательство сдѣлало нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ на пути къ освобожденію дѣтей изъ подъ тяжкаго бремени родительскаго деспотизма; напр. предоставило сыну право на собственность, пріобрѣтенную имъ во время военной службы; но онъ могъ распоряжаться ею только пока находился въ службѣ и, если умиралъ не сдѣлавъ распоряженія, то пріобрѣтенное имъ снова возвращалось къ отцу въ силу родительской власти. Наконецъ жизнь дѣтей въ самой колыбели не была достаточно обезпечена закономъ, потому что родителямъ дозволялось укрывать своихъ дѣтей въ мѣстахъ потаенныхъ обрекая ихъ на вѣрную смерть, или подкидывать на мѣстахъ публичныхъ, предоставляя ихъ жизнь случайной благотворительности. Для облегченія судьбы такихъ заброшенныхъ дѣтей мудрѣйшій изъ римскихъ императоровъ могъ сдѣлать только то, что призналъ за ними свободу и лишилъ отца всѣхъ правъ родительской власти надъ подкинутыми. Но что могла значить свобода, когда самая жизнь была оставлена на произволъ случайностей?

Тотъ же характеръ имѣютъ отношенія жены къ мужу или главѣ семейства. Римское античное право поставило женщину подъ постоянную искусственную опеку ея граждан-

скихъ родственниковъ. Въ семействѣ она находилась подъ властію родительскою, которая парализовала всякую свободу дѣятельности; послѣ смерти отца она поступала подъ опеку ближайшихъ родственниковъ; выходя за мужъ она подчинялась власти, не менѣе тяжелой, своего новаго господина. Права этой власти въ сущности одинаковы съ правами власти родительской: это—право полной собственности надъ женою, всѣмъ ея имуществомъ и даже надъ жизнію. Мужъ, говоритъ Катонъ, есть судья своей жены; онъ имѣетъ неограниченную власть надъ ней. Правда мужъ не могъ продавать своей жены, какъ отецъ продавалъ своихъ дѣтей, но онъ могъ промѣнять, уступить ее и вообще пользовался ею какъ всѣми другими вѣщами, формально пріобрѣтенными имъ въ собственность. Мужъ былъ полнымъ собственникомъ всего имущества своей жены, которая, въ случаѣ смерти не оставляла послѣ себя наслѣдниковъ, вообще жена была въ отношеніи къ мужу вмѣсто дочери. (filiae loco) Во времена имперіи подъ вліяніемъ смягченныхъ нравовъ, когда надъ узкимъ, національнымъ квиритскимъ правомъ замѣтно стало брать перевѣсъ естественное чувство и общечеловѣческій разумъ, суровость этихъ отношеній между мужемъ и женою значительно сглаживается; право жизни и смерти совершенно выходитъ изъ практики, постепенно измѣняются и имущественныя отношенія супруговъ. Когда разводъ сдѣлался язвою римскаго семейства была почувствована необходимость обезпечить за оставленною женою ея приданое; для этого родители еще прежде заключенія брака дѣлали условіе о возвращеніи въ случаѣ развода приносимаго ею имущества; при Августѣ запрещено было мужу продавать приданое жены безъ ея согласія. Но только въ царствованіе Юстиніана была признана полная его неотчуждаемость. Искуственная опека надъ женщиною, простирающаяся чрезъ всю ея жизнь, постепенно преобразуется въ естественную, главная цѣль которой заключается въ удовлетвореніи нуждъ ,восполненіи и огражденіи слабой личности женщины. Однакоже до самаго признанія церкви господствующею въ имперіи, женщина de jure не признана была закономъ полноправною личностію,

равною по гражданскимъ правамъ съ мужчиною. Для нея все таки признавалась нужною опека въ важнѣйшихъ дѣйствіяхъ гражданской жизни, напр. въ искахъ предъ судомъ, въ обязательствахъ, при отчужденіи своей собственности и т. п.

Къ римской семьѣ примыкалъ еще обширный классъ рабовъ.

Объ отношеніяхъ рабовъ къ своему господину мнѣ нѣтъ кажется надобности распространяться. Положеніе рабовъ въ древнемъ мірѣ слишкомъ хорошо извѣстно. Рабъ былъ уравненъ съ вещію и не пользовался никакими гражданскими правами. Наши рабы суть наши враги говорилъ Катонъ. Сенаторъ Фламиній, какъ разсказываетъ Плутархъ, приказалъ умертвить одного изъ своихъ рабовъ для того только, чтобы показать картину смерти одному изъ своихъ пріятелей, который никогда не видалъ какъ убиваютъ человѣка. Положеніе раба въ семействѣ опредѣлялось взглядомъ на него какъ на орудіе, хотя и одушевленное. Весь интересъ господина состоялъ въ томъ, чтобы его рабы какъ можно болѣе работали, и какъ можно менѣе ему стоили. Съ развитіемъ роскоши положеніе рабовъ сдѣлалось еще тягостнѣе. Они часто содержались на цѣпяхъ и помѣщались въ темныхъ и душныхъ башняхъ. Юридическое положеніе раба въ обществѣ было еще печальнѣе. Законъ, какъ я сказалъ, почти не признавалъ за ними человѣческой личности. Всѣ его постановленія развивались изъ одного принципа, что рабы суть вещь; поэтому они могли быть предметомъ всякихъ гражданскихъ сдѣлокъ: даренія, купли-продажи, залога, найма и пр. пріобрѣтались давностію и отдавалпсь во владѣніе. Правда рабъ могъ имѣть семейство, собственность, но всѣ его права въ этомъ отношеніи были пассивными т,-е. на него налагалась одна отвѣтственность, одни обязанности безъ соотвѣтствующихъ имъ правъ. Союзъ мущины и женщины, какъ говоритъ Валлонъ, былъ терпимъ въ рабствѣ, но онъ никогда не имѣлъ законнаго характера и хотя жена называлась супругой (uxor), но это было простое сожительство, которое возникало и прекращалось по произволу раба, или по расчетамъ господина.

Родство въ рабской семьѣ вовсе не признавалось закономъ. Рабъ, какъ я сказалъ, могъ имѣть и собственность, но эта собственность, какъ и его личность, находились въ полномъ распоряженіи господина. Рабъ не могъ являться свидѣтелемъ на судѣ и слово его, по свидѣтельству того же Валлона, само по себѣ не имѣвшее значенія, получало юридическую силу только чрезъ пытку. Такъ было во времена республики. Даже въ первыя времена имперіи, стремленія законодательства въ отношеніи къ рабамъ были направлены главнымъ образомъ къ ограниченію возможности для раба вырваться на свободу и для господина—отпустить его на волю. Законы, вышедшіе въ царствованіе Августа, занимаются точными опредѣленіями условій, при соблюденіи которыхъ господинъ могъ отпускать на волю своихъ рабовъ, устанавливаютъ возрастъ (30 лѣтъ), ранѣе котораго рабъ не могъ быть освобожденъ, число рабовъ болѣе котораго господинъ не могъ отпустить на волю по завѣщанію и т. п. Притомъ значительный классъ рабовъ, именно всѣ порабощенные войною, взятые въ плѣнъ, былъ объявленъ положительно неспособнымъ занять когда-либо мѣсто гражданина. Идеи стоической философіи, представителемъ которой былъ въ это время Сенека, не остались вѣроятно безъ всякаго вліянія на смягченіе участи рабовъ; но вліяніе это было слабо и не простиралось на самый корень зла, потому что и сама стоическая философія не могла возвыситься до полнаго признанія въ рабахъ человѣческаго достоинства и единства человѣческой природы. Неронъ, по свидѣтельству Сенеки, былъ первый изъ императоровъ, который вмѣнилъ римскимъ правителямъ въ обязанность принимать отъ рабовъ жалобы на безчеловѣчные поступки господъ. Петроній приписываетъ Нерону такія слова: Amici et servi homines sunt, et aequi unum lactem biberunt. Другъ вольноотпущеннаго Нарцисса, покровитель всѣхъ какъ нибудь вырвавшихся изъ рабства, которые были могущественнѣе при его дворѣ, нежели Сенека, Неронъ былъ тронутъ непривычнымъ для него состраданіемъ къ рабамъ. Среди сатурналій, происходившихъ въ императорскомъ дворцѣ, въ оргіяхъ, гдѣ безчинство уравнивало

всѣ общественные классы, рабы нашли себѣ покровителя въ знаменитомъ тиранѣ римскихъ гражданъ. Онъ запретилъ господамъ отдавать своихъ рабовъ на съѣденіе звѣрямъ. Впрочемъ и свидѣтельства исторіи и громкія жалобы Сенеки на самоуправство и безчеловѣчіе господъ заставляютъ предполагать, что предписанія коронованнаго деспота имѣли мало значенія на дѣлѣ. Столѣтіемъ позднѣе и безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ уже быстро распространившихся, хотя и преслѣдуемыхъ, христіанскихъ идей, законодательство относительно рабовъ подвергается болѣе значительнымъ измѣненіямъ: право жизни и смерти передается правителямъ (эту перемѣну приписываютъ императору Адріану и Антонину благочестивому); употребленіе исправительныхъ мѣръ, оставленное за господиномъ, ограничено правилами сравнительно болѣе гуманными; на правителей и городскихъ префектовъ возложена обязанность наблюдать за поведеніемъ господъ въ отношеніи къ рабамъ.

Таково М. Г. въ общихъ чертахъ было римское семейное право въ тотъ періодъ, когда христіанская церковь, уже успѣвшая пріобрѣсти себѣ множество тайныхъ и явныхъ послѣдователей и достаточно организованная въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, готовилась занять мѣсто господствующей церкви во всей Римской имперіи. Римская семья была искусственнымъ учрежденіемъ; союзъ крови въ ней не значилъ почти ничего; можно было считаться самымъ близкимъ родственникомъ по крови и однако же не принадлежать къ семьѣ, не имѣть никакого участія въ семейномъ наслѣдствѣ. Власть родительская имѣла чисто властительскій характеръ; мать семейства совершенно исчезала въ немъ, уравнивалась съ дѣтьми, была въ отношеніи къ мужу вмѣсто дочери. Въ первый періодъ имперіи, т.-е. до Константина, мы замѣчаемъ въ римскомъ правѣ и римскихъ институтахъ какое-то раздвоеніе, дуализмъ: естественный разумъ и естественное право начинаютъ понемногу пробиваться сквозь искусственную кору республиканскихъ юридическихъ формъ и идетъ, неравная впрочемъ, борьба между строгимъ правомъ (jus strictum) и справедливостію (aequitas). Строгое право основывалось

на буквѣ древнихъ законовъ, на символическихъ обрядахъ, употреблявшихся при совершеніи различныхъ гражданскихъ сдѣлокъ и на особенныхъ формахъ гражданскаго судопроизводства. Формы эти сначала были доступны только одному немногочисленному классу патриціевъ, а потомъ, хотя и сдѣлались извѣстны другимъ гражданамъ, но при малѣйшей ошибкѣ въ нихъ, при какомъ-нибудь отступленіи, хотя необходимомъ по самому свойству дѣла, служили основаніемъ къ отказу въ принятіи иска и къ уничтоженію права истца въ самомъ его существѣ. Для иностранцевъ эти формы и обряды никогда не были доступны; точно также нѣкоторымъ разрядамъ гражданъ, не имѣвшимъ полнаго квиритскаго права, совершенно неусвоялись нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ гражданскихъ правъ. Для устраненія множества неудобствъ, возникавшихъ отъ этой строгости и формальности древняго права, нужно было прибѣгать къ разнымъ юридическимъ фикціямъ, устанавливать особыя правительственныя и судебныя власти, которыя бы при разбирательствѣ гражданскихъ сдѣлокъ и исковъ между лицами, устраненными отъ употребленія формулъ, слѣдовали особо изобрѣтаемымъ и установляемымъ правиламъ, разбирая и рѣшая дѣла по чистой справедливости (ex aequo et bono), которой нельзя было достигнуть на основаніи строгаго права, съ его буквою формулами и обрядами. Эта борьба между общечеловѣческимъ разумомъ и аристократическимъ національнымъ, между требованіями естественнаго права и искусственнаго римскаго, проходитъ чрезъ всѣ римскіе гражданскіе институты.

Много разнообразныхъ вліяній соединилось для того, чтобы совершить преобразованіе римскихъ институтовъ, произвести въ нихъ важныя измѣненія, вдохнуть новую жизнь въ устарѣвшія формы. Большое значеніе имѣли въ этомъ процессѣ новыя національности, постепенно входившія въ составъ всемірной имперіи; они приносили съ собою новые нравы, новыя воззрѣнія, новое право въ формѣ обычая, основанное главнымъ образомъ на самой природѣ, на требованіяхъ естественнаго разума и непонимавшее, непризнававшее искусственныхъ римскихъ по-

нятій. Приходилось поневолѣ прилаживаться къ этимъ новымъ народамъ, которые вскорѣ сдѣлались изъ рабовъ обладателями имперіи и основали различныя государства на ея развалинахъ. Не мало также значило и перенесеніе самой столицы имперіи изъ Рима въ Константинополь; но безъ сомнѣнія самое могущественное вліяніе на этотъ процессъ перерожденія римскихъ институтовъ имѣла христіанская церковь. Изучая римское законодательство во 2-й періодъ имперіи, т.-е. начиная съ Константина и оканчивая Юстиніаномъ, мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ величественнѣйшихъ въ исторіи процессовъ переработки громаднаго и искуснѣйшаго зданія, какое когда-либо воздвигалось,—зданія римскихъ юридическихъ институтовъ;—по новымъ христіанскимъ началамъ. Глубокій научный и жизненный интересъ сосредоточивается въ этой тяжелой и медленной борьбѣ старыхъ началъ съ новыми, въ этихъ искусственныхъ сдѣлкахъ между новымъ и старымъ, въ постоянныхъ уступкахъ съ той и другой стороны, въ неизбѣжныхъ при этомъ противорѣчіяхъ. Весь этотъ процессъ вполнѣ отражается на христіанско-римскомъ законодательствѣ и при всѣхъ этихъ передѣлкахъ присутствуетъ своимъ вліяніемъ христіанская церковь. Я не имѣю времени даже въ бѣгломъ очеркѣ изобразить этотъ процессъ преобразованія во всѣхъ гражданскихъ институтахъ, и ограничусь тѣмъ же семейнымъ правомъ, характеръ котораго въ до-христіанскій періодъ въ общихъ чертахъ представленъ мною выше. Я останавливаюсь на этомъ институтѣ съ одной стороны вслѣдствіе особенной его важности, съ другой потому, что христіанская церковь именно съ семьи должна была начинать свою образовательную дѣятельность, въ нее прежде всего должна была внести новыя реформаторскія начала и въ ней же должна была встрѣтить сильнѣйшее и упорнѣйшее противодѣйствіе.

Съ признаніемъ христіанской церкви господствующею въ имперіи открывается новый періодъ въ исторіи римскаго законодательства. Высшее начало чистой внутренней справедливости и гуманности вступаетъ въ свои права и одерживаетъ верхъ надъ внѣшнею формальною закон-

ностію. Императоръ Константинъ, въ одномъ изъ своихъ постановленій, выразилъ ясно, какъ основное начало законодательства и суда, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно имѣть въ виду справедливость и уравнительность (aequitas) преимущественно предъ строгостію права. Онъ приказалъ отмѣнить древнія формулы права, обманчивая буква которыхъ была такъ вредна для сущности юридическихъ дѣйствій. А Юстиніанъ называетъ уже прежнія формулы и символы баснями древняго права и безполезными двусмысленностями. Такимъ образомъ основный взглядъ на духъ и сущность законовъ подвергается измѣненію. Затѣмъ открывается многочисленный рядъ законодательныхъ мѣръ, или видомѣняющихъ прежнія постановленія, или устанавливающихъ новый порядокъ общественной жизни и отношеній. Обратимся къ семейному праву и предварительно сдѣлаемъ одно замѣчаніе, котораго никогда не нужно опускать изъ виду при изученіи христіанскаго періода въ исторіи римскаго законодательства. Вѣкъ Константина и его преемниковъ до Юстиніана былъ переходнымъ временемъ въ общественной жизни, нравахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Такимъ онъ является и въ области законодательства; древнее право упорно держалось и отстаивало свои принципы, опираясь на нравы и обычаи общественныя; невозможно было подорвать его корней слишкомъ глубоко пущенныхъ въ общественную почву, опасно было вдругъ влить новое вино въ старые мѣхи. Поэтому мы напрасно стали бы искать въ законодательствѣ христіанскихъ императоровъ строгой выдержанности и логической послѣдовательности однажды принятыхъ принциповъ. Она едва ли была возможна и даже едва ли благоразумна. Напротивъ, зная среду и условія, въ которыхъ дѣйствовалъ законодатель, мы не удивимся, встрѣтивъ въ его законахъ то сдѣлки съ старымъ бытомъ, то уступки ему, то даже противорѣчія съ своими собственными принципами. Рѣзкія и рѣшительныя мѣры противъ старыхъ порядковъ смѣняются уступками; иногда законодатель какъ бы утомившись въ борьбѣ съ упорнымъ и затвердѣлымъ матеріаломъ, надъ переработкою котораго онъ такъ без-

успѣшно трудится, совсѣмъ какъ будто бросаетъ начатое дѣло и мирится съ старымъ порядкомъ вещей. Такимъ характеромъ отличается законодательство всѣхъ переходныхъ въ исторіи эпохъ.

Христіанская идея брачнаго союза гораздо возвышеннѣе идеи римскаго права. Во 1-хъ: бракъ есть результатъ свободнаго союза двухъ лицъ; слѣдовательно всѣ принудительныя или даже поощрительныя мѣры римскаго законодательства должны были оказаться несообразными съ церковной идеей брака, Законы Августа противъ холостяковъ были отмѣнены Константиномъ; всѣ привиллегіи, назначенныя римскимъ правомъ за вступленіе въ супружество, за рожденіе дѣтей и ихъ многочисленность были уничтожены Ѳеодосіемъ Младшимъ. Въ церкви и подъ ближайшимъ ея надзоромъ образуется напротивъ особенный классъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ, и церковная власть опредѣляетъ устройство ихъ жизни и отношеній рядомъ особыхъ постановленій, силу которыхъ признаетъ и государство. Во 2-хъ брачный союзъ, по христіанскому воззрѣнію, изъ двухъ лицъ составляетъ одно, такъ что каждый изъ супруговъ видитъ въ другомъ какъ бы отраженіе самого себя. По римскому пониманію супруги представляются только внѣшнимъ образомъ связанными между собою, но въ сущности раздѣленными личностями, изъ коихъ каждая имѣетъ свои отдѣльныя, чуждыя другой, права. Жена не раздѣляетъ съ мужемъ многихъ семейныхъ, имущественныхъ и общественныхъ правъ, вытекающихъ изъ брачнаго союза. Разность между ними такъ велика, что напр. даже даренія между супругами представляются несообразными съ римскимъ воззрѣніемъ; любовь здѣсь не въ силахъ соединить то, что раздѣлено холоднымъ правомъ. 3) Церковное понятіе о бракѣ, какъ о свободномъ взаимномъ союзѣ, должно было сильно повліять на устраненіе *множества препятствій*, созданныхъ неравенствомъ гражданскаго положенія и правъ между лицами въ него вступающими. Я упомянулъ уже, что по римскимъ законамъ сенаторъ, или его потомокъ не могъ жениться на вольноотпущенной, или даже на такой женщинѣ, которая

или сама была актрисою, или родители ея принадлежали къ той же профессіи; былъ кромѣ того цѣлый классъ женщинъ (публичныхъ, осужденныхъ in publico judicio, обличенныхъ съ супружеской невѣрности, актрисъ), для которыхъ бракъ съ свободными людьми былъ положительно запрещенъ закономъ. Церковь напротивъ уважала право личности самой въ себѣ, независимо отъ случайностей рожденія и состоянія, кромѣ того, она открывала свободный доступъ для всѣхъ падшихъ къ нравственному возрожденію и возстановленію своей чести. И этотъ взглядъ не остался безъ вліянія на законодательство. Христіанскіе императоры расширили свободу брачныхъ союзовъ между лицами различныхъ состояній, предоставили каждому право жениться ва вольноотпущенной (Nov. 55, c. 1, 187, c. 6, 78, c. 3) и облегчили для лицъ считавшихся публично безчестными выходъ изъ своего положенія посредствомъ честнаго супружескаго союза (L. X. 33, C. de Episc. aud). На мѣсто этихъ случайныхъ препятствій къ браку въ церковномъ законодательствѣ образовался другой, доселѣ неизвѣстный, родъ препятствій, основанныхъ на различіи религіозныхъ убѣжденій. По воззрѣнію церкви полное и совершенное общеніе жизни и нераздѣльность супруговъ, представляемая бракомъ, прежде всего требуетъ общенія жизни религіозной, единства религіозныхъ убѣжденій. Посему древніе соборы запрещаютъ христіанскимъ дѣвицамъ выходить замужъ за іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ, дозволяя однако же брачный союзъ христіанина съ нехристіанской. Позднѣе церковь простираетъ это запрещеніе и на дѣтей лицъ, принадлежавшихъ къ клиру (C. Карѳ. 111, c. 12. Халк. 114). Впрочемъ различіе религій никогда не было основаніемъ къ расторженію уже существующаго брака; оно подвергало только супруговъ церковному наказанію. Сообразно съ этимъ и гражданское законодательство до извѣстной степени усвояетъ себѣ взглядъ церкви, хотя юридическій тактъ законодателей не дозволялъ имъ изъ области права переступать въ область христіанской нравственности; къ тому же и сама церковь не желала прибѣгать къ другимъ средствамъ кромѣ нравственныхъ, для осуществленія

своихъ каноническихъ правилъ. Посему только бракъ между христіанами и іудеями былъ запрещенъ гражданскимъ законодательствомъ (L. 6, de Jud Законъ Валентиніана 11, Θеодосія и Аркадія). Для всѣхъ остальныхъ различіе религіи не служило гражданскимъ препятствіемъ къ браку, смѣшанные браки между христіанами и еретиками были нерѣдки, хотя законодательство обставляло ихъ различными условіями касательно религіознаго воспитанія дѣтей. Что касается препятствій къ брачному союзу, заключающихся въ кровномъ родствѣ, то церковь не произвела существенныхъ перемѣнъ въ римскомъ правѣ, только разширила его постановленія, утвердила властію законодательною то, что прежде держалось обычаемъ. Браки между двоюродными, а также браки съ сестрами или братьями умершаго супруга, не одобрявшіеся римскимъ обычаемъ и нравами (conjugia sorbinarum diu ignota Тац. Анн. XII, 6, Августинъ о такихъ же бракахъ замѣчаетъ: raro per morem fiebat quod fieri per leges licebat. De civ. Dei XV, 16) положительно запрещены были закономъ. (Впрочемъ Аркадій и Гонорій снова дозволили ихъ). Здѣсь нельзя не видѣть христіанскаго воззрѣнія на бракъ, по которому супруги составляютъ какъ бы одну личность: слѣдовательно братья и сестры одного изъ нихъ считались братьями и сестрами другаго. Если государство не могло совершенно уничтожить такихъ браковъ, и смертная казнь за кровосмѣшеніе, назначенная сыновьями Константина Великаго и Θеодосіемъ I, была потомъ отмѣнена Аркадіемъ и Гоноріемъ, однакожъ оно не признавало за такими браками никакихъ гражданскихъ правъ, не считало ихъ юридически дѣйствительными. Другія препятствія къ брачному союзу, установленныя еще римскимъ правомъ (несовершеннолѣтіе, нравственная неспособность, недостатокъ согласія лицъ, обладающихъ отеческою властію и пр.), были приняты законодательствомъ церковнымъ, и къ нимъ прибавлены еще два, вытекающія изъ религіозно-нравственныхъ началъ христіанства— это родство духовное и обѣтъ дѣвства.

Высокое понятіе христіанства о бракѣ естественно должно было соединить заключеніе этаго союза съ священнымъ об-

рядами и поставить его подъ непосредственное попеченіе церкви. Въ этомъ отношеніи между церковнымъ и государственнымъ законодательствомъ не могло представиться поводовъ къ столкновенію, потому что римское до-христіанское право не признавало болѣе нужды въ какихъ-либо религіозныхъ и торжественныхъ церемоніяхъ, считая одно добровольное согласіе достаточнымъ для брака. Древніе религіозные обряды при бракосочетаніи уже устарѣли и потеряли дѣйствительное значеніе. При введеніи новыхъ обрядовъ, церковь не встрѣчала препятствія со стороны государства, и мы знаемъ изъ свидѣтельствъ Тертулліана, Амвросія и др. что церковное благословеніе брака было издавна въ употребленіи между христіанами. Что касается гражданскаго признанія церковнаго вѣнчанія необходимымъ для дѣйствительности брака, то оно не вдругъ утвердилось въ законодательствѣ. По свидѣтельству Августина такъ-называемые tabulae nuptiales т.-е. письменные документы, опредѣляющіе имущественныя отношенія супруговъ, обыкновенно публично были прочитываемы въ церкви. Юстиніанъ содѣйствовалъ этому обычаю, узаконивъ для сенаторовъ и другихъ высоко стоящихъ лицъ непначе заключать брачный союзъ, какъ по совершеніи письменнаго брачнаго контракта. Лица другихъ сословій должны были объявлять о своемъ согласіи на бракъ въ церкви предъ своими патронами и 3 или 4 лицами изъ духовенства и протоколъ, составленый объ этомъ долженъ былъ храниться въ церковныхъ архивахъ (Nov. 74, c. 4). Такимъ образомъ церковный обрядъ бракосочетанія соединялся вмѣстѣ съ совершеніемъ юридическаго акта или договора. Впрочемъ не ранѣе императора Льва церковное вѣнчаніе сдѣлалось обязательнымъ на Востокѣ. До этого времени и въ церковномъ законодательствѣ мы не находимъ запрещенія или наказанія за браки заключенные внѣ церкви; можно думать, что и церковь не считала эти браки недѣйствительными.

Разводъ былъ предметомъ самой упорной и продолжительной борьбы между римскимъ правомъ и церковію; едвали еще какая-нибудь христіанская идея встрѣтила такую энергическую оппозицію въ нравахъ римскаго общества,

какъ идея нерасторжимости брачнаго союза. Церковь въ своемъ законодательствѣ безусловно признала и утвердила непоколебимо эту идею, принявъ уважительнымъ только одно основаніе для развода, на которое указалъ самъ Спаситель и которымъ, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, брачный союзъ фактически (eo ipso) разрывался и уничтожался. Но проведеніе церковнаго взгляда изъ нравственной сферы въ область гражданскаго законодательства было сопряжено съ величайшими затрудненіями и законы христіанскихъ императоровъ служатъ лучшими доказательствами этого. Въ отношеніи къ разводу, какъ я упоминалъ выше, римское право допускало самую широкую свободу,— libera facultas contrahendi atque distrahendi matrimonii —это было неотъемлемое право римскаго гражданина. Посему разводъ по взаимному соглашенію (communi consensu) признавался дѣйствительнымъ, и законъ не требовалъ въ этомъ случаѣ какихъ нибудь особенныхъ причинъ; даже разводъ по желанію одной стороны, при безмолвномъ или только предполагаемомъ согласіи другой стороны, такъ называемый divortium bona gratia считался законнымъ. Въ римскомъ правѣ мы находимъ цѣлый рядъ юридически-признанныхъ основаній для развода по желанію одной стороны, безъ согласія другой; напр. преступленіе одного изъ супруговъ, непзцѣлимое умопомѣшательство и т. п. Но и безъ этихъ основаній разводъ допускался, только виноватая сторона подвергалась извѣстнымъ денежнымъ взысканіямъ. Предписанныя Августомъ формальности при расторженіи браковъ вскорѣ замѣнены были простымъ разводнымъ письмомъ (libellus repudii); но и безъ соблюденія даже этой формальности законъ не настаивалъ на продолженіи брачнаго союза. Контрастъ между римскими законами и законами и взглядами церкви самый рѣшительный; но привести эти взгляды въ гармонію было возможно не иначе, какъ путемъ медленнаго и постепеннаго ограниченія римской свободы разводовъ и пониженія высокихъ нравственныхъ понятій церкви о бракѣ, какъ о совершенно почти нерасторжимомъ союзѣ. Христіанскіе императоры стремились къ этой цѣли, опредѣляя въ своихъ законахъ осно-

ванія для разводовъ и такимъ образомъ ограничивая произволъ и распущенность. По законамъ Константина основаніемъ права жены для развода съ мужемъ признано убійство, колдовство (наше древнее зелейничество) и разграбленіе гробницъ и могилъ—для мужа прелюбодѣяніе и сводничество со стороны жены. Во всѣхъ другихъ случаяхъ произвольное расторженіе брака подвергало жену потерѣ всего приданаго въ пользу мужа и ссылкѣ,—мужа немедленному возвращенію женѣ ея приданаго и кромѣ того, еслибы онъ вздумалъ послѣ этого снова жениться, то оставленная имъ жена имѣла право войти въ его домъ и овладѣть приданымъ его второй незаконной жены. — По пути, указанному Константиномъ слѣдовали позднѣйшіе христіанскіе императоры. Гонорій и Констанцій, выходя изъ древняго подраздѣленія преступленій на тяжкія (gravaes causae, crimina) и болѣе легкія (mediocres culpae) дозволяли разводить только по поводу первыхъ, разумѣя подъ ними тѣ же самыя преступленія какія указывалъ Константинъ (L. 1. C. dh. de repud.) Но такова была сила древняго права и общественныхъ нравовъ, на которыхъ оно опиралось, что Ѳеодосій младшій нашелъ себя вынужденнымъ отмѣнить постановленіе Константина и Гонорія и возвратиться почтикъ прежнимъ порядкамъ, допустивъ разводъ по взаимному соглашенію и значительно увеличивъ число основаній къ расторженію браковъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ преступленій онъ причислилъ къ нимъ еще: государственную измѣну, святотатство, разбой и укрывательство разбойниковъ, открытую связь въ своемъ домѣ съ публичною женщиною, грубое обращеніе и побои со стороны мужа, а со стороны жены самовольную отлучку изъ дома ночью безъ достаточнаго основанія, или присутствіе и участіе безъ воли мужа въ публичныхъ театральныхъ зрѣлищахъ. Нельзя не замѣтить какъ широко были раздвинуты границы, внутри которыхъ разводъ дозволялся закономъ; но и внѣ этихъ границъ разводъ, если и подвергалъ виновнаго наказанію, то отнюдь не считался не дѣйствительнымъ и даже новыя супружества не были запрещаемы закономъ во многихъ случаяхъ этого рода.

Понятно, такое законодательство не могло удовлетворить требованіямъ церкви и высокимъ взглядамъ на брачный союзъ, положеннымъ въ основаніе ея собственнаго законодательства. Отъ представителей церкви идутъ громкія жалобы на многочисленность разводовъ, на то, что мужья съ такою же легкостію мѣняютъ своихъ женъ какъ платье. Великіе учители церкви IV и слѣд. вѣковъ жалуются также на неравенство предъ закономъ жены и мужа. По какому праву, спрашивалъ Григорій Богословъ, супружеская невѣрность жены наказывается жестоко, между тѣмъ какъ мужъ, виновный въ томъ же преступленіи, выходитъ свободнымъ отъ наказанія. Видно, что мужья составляли законы и позаботились, не щадя женъ, оказать снисхожденіе себѣ самимъ. (Гр. Наз. сл. XXXI). То же повторяетъ Златоустъ и др. (Бес. V на I посл. Сол.) и эти жалобы имѣли свое основаніе. Супружеская невѣрность мужа только тогда признавалась закономъ за преступленіе, когда онъ вступалъ въ преступную связь съ чужею женою; напротивъ, такая же связь съ незамужнею женщиною не считалась прелюбодѣяніемъ и оставалась безнаказанною. Такая невѣрность могла послужить основаніемъ женѣ для развода только въ томъ случаѣ, когда мужъ открыто держалъ наложницу въ своемъ домѣ. Между тѣмъ въ отношеніи къ женщинѣ законъ былъ гораздо строже: всякая связь ея хотя бы и тайная съ мужчиною, хотя бы и неженатымъ, подавала мужу законное основаніе для разводнаго иска. Но такова была сила общественныхъ нравовъ, что они проникли даже въ самое законодательство церкви и на немъ оставили слѣды своего вліянія (см. Вас. Вел. 1 кан. посл. прав. 9).

Вторичные браки разведенныхъ, церковь могла признавать въ тѣхъ только случаяхъ, когда самыя основанія къ разводу были законны съ точки зрѣнія церковнаго права. И мы знаемъ, что право вступленія въ бракъ признавалось церковію за невинною стороною только въ одномъ случаѣ нарушенія другою стороною супружеской вѣрности. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ основаніе для развода не признавалось церковію законнымъ, хотя бы гражданскимъ закономъ

оно и было дозволяемо, новый бракъ одного изъ супруговъ при жизни другаго подвергалъ виновнаго отлученію отъ церковнаго союза. Борьба между церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ о бракахъ была весьма продолжительна и упорна, потому что слишкомъ рѣзко было различіе въ самыхъ воззрѣніяхъ на существо брака. Иные законы цезарей, говорилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Іеронимъ, иные Христовы: иное предписываетъ Папиніанъ и другое Ап. Павелъ. Одинъ изъ африканскихъ соборовъ, на которомъ присутствовалъ и знаменитый Августинъ, высказавшись противъ дозволенія новыхъ браковъ для разведенныхъ, рѣшилъ просить у императора особаго закона, которымъ бы требованію собора сообщена была государственная санкція. Но церкви не удалось вполнѣ провести своихъ идей въ государственномъ законодательствѣ, потому что эти идеи были плодомъ односторонняго аскетизма и не могли были приложены къ дѣйствительной жизни. Законы Юстиніана о разводахъ въ сущности не различались отъ вышеуказанныхъ постановленій Гонорія и Ѳеодосія. Разводъ по взаимному соглашенію былъ сначала дозволенъ (Nov. 22) Юстиніаномъ, потомъ запрещенъ (Nov. 47): потомъ снова разрѣшенъ Юстиномъ (Nov. 140), потому что запрещеніе его оказалось неосуществимымъ. Чтобы ослабить корыстныя побужденія къ разводу со стороны мужа, который по прежнимъ законамъ имѣлъ право, въ случаѣ виновности жены, удерживать при разводѣ съ нею часть принадлежащаго ей приданаго, это право было уничтожено. Надѣялись этою мѣрою отнять у мужей побужденіе къ составленію неосновательныхъ обвиненій противъ своихъ женъ. Такимъ образомъ церковь немногое успѣла измѣнить въ римскомъ законодательствѣ относительно разводовъ; ея взгляды на брачный союзъ, развитые и закрѣпленные въ собственномъ ея законодательствѣ, не могли получить легальнаго юридическаго признанія со стороны государства. Въ этомъ отношеніи для церкви былъ открытъ другой путь и другія средства къ перевоспитанію общества—именно путь нравственнаго вліянія на самую общественную среду, на ея убѣжденія и обычаи, путь собственнаго примѣра, кото-

рый она предлагала распущенному обществу въ жизни и нравахъ истинно христіанскаго семейства. И на этомъ пути, какъ свидѣтельствуетъ исторія цивилизаціи, вліяніе церкви было могущественнѣе и плодотворнѣе, нежели въ холодной сферѣ юридическихъ опредѣленій.

Не менѣе упорна и не болѣе успѣшна была борьба церкви съ другимъ оригинальнымъ институтомъ римскаго семейнаго права съ конкубинатомъ. Такая случайная, неполная, ничѣмъ не гарантированная связь между мущиною и женщиною была рѣшительно противна нравственнымъ христіанскимъ идеямъ. Такъ-называемыя апостольскія постановленія,—древнѣйшій памятникъ обычнаго церковнаго права, положительно требовали подъ страхомъ отлученія, чтобы христіанинъ, имѣющій конкубину оставилъ ее, если она раба и слѣд. лишена права на брачный союзъ съ человѣкомъ свободнымъ, или же вступилъ съ нею въ законное супружество, если она свободная. Но этотъ взглядъ церковнаго права не могъ быть скоро примѣненъ къ государственному законодательству. Мы знаемъ, что и при христіанскихъ императорахъ конкубинатъ остался обычаемъ дозволеннымъ, licita consuetudo, какъ называетъ его Юстиніанъ. До насъ дошелъ только рядъ полумѣръ, попытокъ со стороны императоровъ къ тому, чтобы хотя косвенно подѣйствовать на перерожденіе, или преобразованіе этого института. Въ законодательствѣ, къ нему относящемся, мы видимъ постоянныя колебанія, недостатокъ энергіи и твердости. Константинъ усиливался превратить конкубинатъ въ законное супружество. Съ этою цѣлію и желая вѣроятно дѣйствовать на родительское чувство отцовъ, онъ запретилъ оставлять что-либо по завѣщанію или чрезъ дареніе дѣтямъ, прижитымъ въ конкубинатѣ; но этотъ строгій запретъ былъ постепенно ослабляемъ при его преемникахъ. Далѣе Константинъ однимъ изъ своихъ указовъ предоставилъ дѣтямъ, происшедшимъ отъ конкубината, всѣ права дѣтей законныхъ въ томъ случаѣ, если ихъ родители вступятъ въ законный бракъ. Императоръ Юстинъ запретилъ усыновлять дѣтей отъ конкубината съ прямымъ намѣреніемъ поощрять вступленіе въ законное супружество.

Юстиніанъ повторилъ это запрещеніе, а узаконеніе дѣтей отъ конкубината чрезъ послѣдующій бракъ ихъ родителей обратилъ въ постоянный законъ (Nov. 74, c. 3). Но такъ какъ римскій законъ полагалъ непреодолимыя препятствія къ законному союзу между лицами различной гражданской правоспособности, и слѣдовательно къ узаконенію чрезъ бракъ прижитыхъ въ конкубинатѣ дѣтей, то Юстиніанъ открылъ другой путь къ узаконенію—чрезъ rescriptum principis. Всѣ эти мѣры были чисто палліативныя и конкубинатъ сохранялся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ до императора Льва Философа, который рѣшительно запретилъ его въ восточной половинѣ имперіи. Между тѣмъ на западѣ, между Франками, Логнобардами и др. Германскими племенами онъ продолжалъ существовать въ полной силѣ. Даже въ постановленіяхъ нѣкоторыхъ западныхъ соборахъ мы находимъ признаніе конкубината подъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ не имѣлъ мѣста при существованіи законнаго супружества и ограничивался одною женщиною. (Conc. Tolet. 1, Can 17). Нравственность клира въ западной церкви жестоко пострадала отъ конкубината и нужна была желѣзная воля Григорія VII для того, чтобы положить границы всеобщей распущенности духовенства. Къ сожалѣнію мѣра принятая этимъ папою, мало сообразовалась съ практикою и канонами древней церкви, была жестока и насильственна и не могла прочно установить церковную дисциплину въ жизни клира.

Обратимся къ наблюденію тѣхъ измѣненій, которыя подъ вліяніемъ церкви были произведены въ юридическомъ положеніи членовъ римской семьи и взаимныхъ отношеніяхъ между ними. Я уже упоминалъ, что жестокое право жизни и смерти, предоставленное древнимъ римскимъ закономъ отцу надъ своими дѣтьми и даже мужу надъ женою, фактически было ослаблено еще въ первый періодъ имперіи подъ вліяніемъ гуманныхъ идей стоической философіи и сближенія Римлянъ съ другими народами не знавшими этого варварскаго права. Но оно не было отмѣнено законодательною властію; уже императоръ Константинъ вполнѣ уничтожилъ право жизни и смерти отца надъ дѣтьми,

постановивъ, что отецъ за убійство сына подлежитъ той же казни, какая установлена за самое отцеубійство (poena parricidia). Точно также право отца продавать своихъ дѣтей было ограничено еще при языческихъ императорахъ (особенно при Діоклитіанѣ) случаями крайней необходимости. Константинъ и его преемники старались по возможности устранить всѣ обстоятельства, которыя вынуждали отцевъ къ продажѣ и подкидыванію своихъ дѣтей. Главная причина заключалась въ ужасающей бѣдности особенно низшихъ классовъ народа. Императоры предписывали выдавать вспоможеніе такимъ бѣднякамъ изъ государственной казны и своихъ собственныхъ доходовъ; постановили наказаніе за подкидываніе дѣтей; стремились къ улучшенію состоянія подкидышей; наконецъ совершенно запретили продажу дѣтей (Валентиніанъ съ Валентомъ и Граціанъ) подъ страхомъ смертной казни. Несмотря однако же на это смягченіе въ существѣ родительской власти оставалось еще много суроваго. Въ экономическомъ отношеніи дѣти находились почти въ безусловной зависимости отъ отца. Я имѣлъ случай замѣтить выше, какъ ничтожны были мѣры языческихъ императоровъ къ обезпеченію хотя нѣкоторой имущественной самостоятельности дѣтей: имъ предоставлено было право собственности надъ тѣмъ имуществомъ, которое они пріобрѣтали находясь въ военной службѣ (peculium castrense) и притомъ только на время этой службы. Христіанскіе императоры разширили это право, включивъ сюда собственность пріобрѣтаемую на придворной службѣ, въ званіи адвокатовъ, ассесоровъ, чиновниковъ при префектахъ преторіи, епископовъ и вообще клириковъ. Вообще для лицъ принадлежащихъ къ клиру образовалось особенное законодательство, которымъ опредѣлялись права собственности, владѣнія и наслѣдованія. По римскому праву собственность дѣтей умершихъ безъ завѣщанія обращалась къ отцу въ силу родительской власти. Юстиніанъ отмѣнилъ это право, уравнявъ отца съ другими наслѣдниками по закону. А въ церкви еще ранѣе установился другой законъ, по которому имущество клириковъ, умершихъ безъ завѣщанія, поступало въ собственность

тѣхъ церквей при которыхъ они служили. Далѣе, по римскому праву въ собственность отца переходило имущество дѣтей оставшееся послѣ матери (его жены). Константинъ ограничилъ это право однимъ пожизненнымъ пользованіемъ доходами съ имущества, а въ случаѣ вступленія во второй бракъ— только во время малолѣтства дѣтей. Преемники Константина распространили его законъ и на имущества отъ предковъ (дѣдовъ и т. д.), которыя по римскому праву поступали также въ собственность отца. Валентиніанъ III лишилъ отцевъ права на собственность, пріобрѣтенную дѣтьми чрезъ супружество (Cod. Theod. L. 8). Но до Юстиніана экономическое положеніе дѣтей въ римскомъ семействѣ оставалось еще не опредѣленно и стѣснительно; они лишены были права самостоятельно распоряжаться своимъ имуществомъ—продавать, закладывать, завѣщать и т. п. Юстиніанъ, развивая мысль Константина, предоставилъ дѣтямъ (мужескаго пола) право собственности надъ всѣмъ ихъ имуществомъ безъ различія способовъ пріобрѣтенія, за исключеніемъ той его части, которую сынъ получалъ отъ своего отца. Въ остальномъ имуществѣ сына отецъ не имѣлъ собственной доли; онъ только пользовался доходами съ него до еманципаціи, а послѣ еманципаціи и количество доходовъ сокращалось на половину. Конечно церковь не принимала непосредственнаго участія въ этомъ преобразованіи законодательства; но вліяніе гуманныхъ ея идей и воззрѣній, частію ея собственные законы, относящіеся къ семейной жизни христіанъ, несомнѣнно содѣйствовали прогрессу въ смягченіи нравовъ и законовъ; и мы не можемъ не признать правды въ словахъ одного историка-юриста: Christiana disciplina paulatim patriae potestatis duritiem emolliente (Godefroy).

Я не могу въ подробностяхъ раскрывать здѣсь тѣ важныя перемѣны, какія произошли въ соціальномъ быту и общественномъ положеніи женщины и рабовъ подъ вліяніемъ высокихъ христіанскихъ идей любви и человѣколюбія. Раскрытіе всѣхъ мѣръ какими церковь, путемъ убѣжденія примѣра, духовныхъ наказаній старалась улучшить состояніе этихъ лицъ, почти лишенныхъ всякой самостоятель-

ности и гражданскихъ правъ— потребовало бы особаго и обширнаго изслѣдованія. Ограничиваясь вліяніемъ церкви на семейное право, на модификацію гражданскихъ отношеній между его членами, я укажу только на нѣкоторыя измѣненія въ римскомъ законодательствѣ, по этому вопросу и на непосредственное участіе церковной власти въ возвышеніи положенія женщины и въ улучшеніи быта рабовъ.

Я говорилъ уже, что несмотря на ослабленіе строгости древней опеки, тяготѣвшей надъ женщиною въ теченіи цѣлой жизни, гражданское положеніе женщины было еще слишкомъ далеко отъ положенія самостоятельнаго лица; во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ гражданской жизни она нуждалась въ особомъ попечителѣ, туторѣ; ни одна гражданская сдѣлка, ни одно обязательство не могли быть совершены женщиною безъ участія этого тутора, по праву родства, или по назначенію закона. Константинъ первый призналъ за совершеннолѣтними женщинами равныя въ этомъ отношеніи права съ мущинами: in omnibus contractibus jus tale habeant quale viros. Съ него же начинается возстановленіе естественныхъ правъ женщины-матери въ отношеніи къ дѣтямъ. Древнеримское право не признавало за матерью власти надъ своими дѣтьми; дѣти, происшедшія отъ супружества, принадлежали фамиліи отца: опека надъ малолѣтними дѣтьми считалась обязанностію мужа (virile munus) и de iure не могла перейти въ руки жены-матери. Она не имѣла никакого участія въ пользованіи имуществомъ и своихъ малолѣтнихъ дѣтей; сынъ, при вступленіи въ бракъ, вовсе не имѣлъ надобности спрашивать согласія своей матери. Новыя религіозныя идеи произвели значительныя видоизмѣненія въ системѣ отношеній, столь чуждыхъ естественнымъ чувствамъ уваженія, любви и привязанности дѣтей къ матери. Константинъ предоставилъ матери общее право участія въ наслѣдованіи послѣ своихъ дѣтей. По законамъ Ѳеодосія старшаго (380 г.) матери предоставлено было право опеки надъ своими дѣтьми, впрочемъ только въ случаѣ неимѣнія законнаго опекуна и если она давала обѣщаніе не вступать въ новый бракъ. Наконецъ Юстиніанъ предоставилъ матери и кровнымъ родственни-

камъ по восходящей линіи законную опеку надъ дѣтьми. Церковь съ своей стороны содѣйствовала возвышенію правъ женщины и не одною только проповѣдью о томъ, что во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ и женскій, и что всѣ одинаково равны предъ Нимъ, но тѣмъ что предоставила ей право на нѣкоторыя церковныя должности (діакониссы, начальницы въ женскихъ монастыряхъ), поручила ея завѣдыванію цѣлую отрасль церковной администраціи въ древнихъ христіанскихъ общинахъ, именно: первоначальныя наставленія въ вѣрѣ между женскою половиною общины и дѣла благотворительности.

Слѣды того же вліянія церкви на законодательство мы видимъ въ постепенномъ, хотя и медленномъ, улучшеніи быта самаго безпомощнаго и безправнаго класса въ римскомъ обществѣ—рабовъ. Я не буду изображать здѣсь тѣхъ усилій, какими Церковь чрезъ своихъ знаменитыхъ ораторовъ старалась дѣйствовать на измѣненіе самыхъ понятій римскаго общества о рабѣ, убѣдить, что рабъ не есть вещь но такой же человѣкъ, что о Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго, что призванный о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть, а также и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ (I Кор. 7, 22). Изъ великихъ учителей церкви IV и V ст. едвали найдется хотя одинъ, который бы въ своихъ рѣчахъ и поученіяхъ не касался этого вопроса и не требовалъ со всею энергіею, какъ Златоустъ, улучшенія быта рабовъ и не только во внѣшнемъ положеніи, но и въ нравственномъ отношеніи. Я опять ограничусь только законодательною сферою. Сама Церковь не могла идти въ разрѣзъ съ установившимся уже правомъ; не въ ея цѣляхъ было непосредственное переустройство тогдашняго общества, да и средствъ къ этому она не имѣла въ своихъ рукахъ. Оттого собственно въ церковномъ законодательствѣ мы видимъ слѣды принаровленія къ существующимъ порядкамъ, напр. для поступленія раба въ клиръ, Церковь требовала согласія со стороны господина, запрещала рабамъ подъ предлогомъ благочестія уклоняться отъ служенія своимъ господамъ (6 Всел. соб. 85, 4 Всел. соб. 4 и пр.). Но тамъ, гдѣ представлялась возможность провести свое

вліяніе въ государственное законодательство, она не опускала ни одного случая дѣйствовать въ пользу рабовъ. Она принимала на себя обязанность примирителя между рабами и ихъ владѣльцами, ограждала своимъ содѣйствіемъ права рабовъ, объявляла господамъ жалобы рабовъ, и, въ случаѣ ихъ справедливости, требовала болѣе гуманнаго обращенія съ ними. Само государство требовало (законъ 432 г.), чтобы духовенство старалось о примиреніи обиженныхъ рабовъ съ ихъ господами. Но особенно важно было посредство Церкви при освобожденіи рабовъ. Константинъ предоставилъ церквамъ право, по которому объявленное въ нихъ освобожденіе раба признавалось вполнѣ дѣйствительнымъ; требовалось, чтобы освобожденіе рабовъ совершалось въ храмѣ предъ епископомъ въ присутствіи всего народа; въ храмѣ торжественно читался актъ освобожденія, епископъ былъ свидѣтелемъ его совершенія и самый актъ послѣ хранился въ церкви. Я не говорю уже о жестокихъ законахъ, предоставлявшихъ господину право жизни и смерти надъ рабомъ; они были отмѣнены еще Константиномъ подъ смертною казнію; онъ же запретилъ раздѣленіе семействъ рабовъ между владѣльцами, вслѣдствіе чего прежде отецъ разлучался съ сыномъ, мужъ съ женою (Cod. Theod, lib III, tit 1, 6, 5. Lib IX tit 12.). Юстиніанъ отмѣнилъ всѣ ограниченія прежняго законодательства касательно освобожденія рабовъ господами при жизни и по смерти по завѣщанію.

Таковы, Мм. Гг., важнѣйшія измѣненія, которымъ подверглись римскіе семейные институты подъ вліяніемъ христіанской церкви, при содѣйствіи образовавшагося въ ней права. Если мы въ немногихъ словахъ соберемъ сущность сказаннаго нами, то въ результатѣ намъ представится слѣдующее: Новый христіанскій бракъ основывается и держится не на искусственной власти, а на кровномъ союзѣ самой природы, освященномъ нравственнымъ единствомъ, на силѣ любви психологической и физіологической (по выраженію Юстиніана). Семейныя отношенія въ такомъ бракѣ получаютъ совершенно иной характеръ: изъ квиритскаго брака (manus mariti) образуется бракъ свободный, основанный

на равенствѣ; жена уравнивается мужу и получаетъ значеніе самостоятельнаго лица. Вслѣдствіе этого измѣняются и всѣ юридическія отношенія, вытекающія изъ семьи какъ изъ властительнаго союза: отношенія личныя, имущественныя и пр., измѣняются и родительскія отношенія. Изъ узкой квиритской отеческой власти образуется новый родительскій союзъ естественный, кровный и моральный союзъ между родителями и дѣтьми, безъ властительнаго начала. Главныя измѣненія въ этихъ отношеніяхъ были слѣдующія: мать уравнивается съ отцемъ въ правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи къ дѣтямъ; дѣти отдѣляются отъ матери, ибо мать была прежде на мѣсто дочери, а теперь заняла особое положеніе; семейный союзъ расширяется и простираетъ свое значеніе и на дѣтей вышедшихъ изъ него, ибо и такія уже самостоятельныя дѣти призываются къ участію въ родительскомъ наслѣдствѣ наравнѣ съ братьями и сестрами, живущими при родителяхъ. Сверхъ того къ кровному сесемейному союзу присоединяется еще новый елементъ семья кононическая съ новымъ духовнымъ родствомъ.

Изъ искуственной опеки вырабатывается новая естественная опека надъ лицами дѣйствительно нуждающимися въ ней; женщина освобождается отъ вѣчнаго туторства надъ нею. Самое существо опеки измѣняется; по древне-римскому праву она выражалась въ началѣ власти, въ господствѣ одного лица надъ волею другаго; теперь она предназначается для удовлетворенія нуждъ и потребностей не достигшаго самостоятельности субъекта. Наконецъ даже въ рабствѣ признается человѣческая природа, поэтому общечеловѣческія отношенія: бракъ, родство и пр. дѣлаются доступными и для рабовъ, хотя рабы стоятъ еще на низшей ступени гражданской правоспособности.

Ни мало не ослабляя силы и значенія всѣхъ другихъ историческихъ вліяній на эту переработку римскихъ семейныхъ институтовъ и нисколько не желая преувеличивать значеніе церкви въ этой реформѣ, мы тѣмъ не менѣе должны сказать, что вліяніе ея идей, учрежденій, законовъ и внутренней дисциплины было одно изъ самыхъ могущественныхъ, и мы убѣждены, что ни историкъ, ни юристъ

не могъ бы основательно изучить и понять великій переворотъ, совершившійся въ юридическомъ и соціальномъ быту древняго римскаго міра со времени явленія христіанства если бы онъ неизучилъ также основательно учрежденія, законы, устройство и дисциплину христіанской церкви. Отсюда понятна близкая связь церковнаго права съ общимъ развитіемъ юриспруденціи.

Эта связь замѣтно отразилась на самыхъ литературныхъ памятникахъ церковнаго законодательства, Въ нихъ видно органическое соединеніе свѣтскаго и церковнаго права; одно съ другимъ такъ сказать срослось въ историческомъ процессѣ и составило одно общее законодательство подъ характеристическимъ названіемъ *Номоканона.* Законодательство церкви сдѣлалось вторымъ источникомъ права; въ немъ излагалось не одно церковное право въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. не одни постановленія, опредѣляющія устройство и управленіе церкви, но и право свѣтское т.-е. нормы для многихъ отношеній, которыя въ современномъ юридическомъ пониманіи совершенно выдѣляются изъ области церковной. Византійскому юристу, ученому какъ и практику, при разсмотрѣніи каждаго института, при разрѣшеніи почти каждаго практическаго вопроса было необходимо имѣть предъ глазами какъ свѣтское, такъ и церковное законодательство, какъ законъ (νόμος), такъ и канонъ (κανων). Ту же самую потребность ощущаетъ и современный ученый юристъ при серьезномъ изученіи историческаго развитія римскаго права, при наблюденіи за видоизмѣненіями римскихъ институтовъ, римскихъ правовыхъ идей, которыя перешли по наслѣдству въ право всѣхъ европейскихъ образованныхъ народовъ. Знакомство съ правомъ церкви, съ памятниками ея законодательства становится необходимымъ и существеннымъ дополненіемъ къ серьезному изученію римскаго права и институтовъ.

Переходя съ Востока на Западъ Европы, въ жизнь церкви среди народовъ и государствъ, сложившихся на развалинахъ Западной римской имперіи мы вступаемъ въ новую во многомъ своеобразную эпоху. Церковь здѣсь вошла въ соприкосновеніе съ такими элементами общественности и

права, которыхъ не знала древняя греко-римская цивилизація. Формы каноническаго права, развившіяся на классической почвѣ древняго міра подъ вліяніями христіанскихъ идей, встрѣтились здѣсь съ такими элементами народныхъ обычаевъ и нравовъ, которые возникли изъ языческаго міросозерцанія германскихъ племенъ и казались совершенно не согласными съ воззрѣніемъ церковнымъ.

Отличительнымъ свойствомъ національнаго характера германскаго племени, его душею была индивидуальность, личность. Міръ древній и въ особенности римскій болѣлъ тяжкою болѣзнію, которая наконецъ свела его въ могилу; онъ не признавалъ правъ человѣческой личности самой въ себѣ; онъ не уважалъ инстинктовъ, чувствъ и законовъ человѣческой природы. Личность здѣсь имѣла лишь настолько значенія, насколько она являлась облеченною тѣми или другими гражданскими правами; а такихъ личностей въ древнемъ мірѣ было сравнительно не много; въ семьѣ—отецъ съ своею суровою властію, въ государствѣ—гражданинъ. Всѣ остальные члены древняго общества имѣли скудную долю участія въ этомъ источникѣ правъ, или даже со всѣмъ не имѣли никакого, уравнивались съ вещами. По скольку человѣкъ было гражданиномъ, онъ имѣлъ права личныя, имущественныя, политическія и т. д. Не имѣя этого гражданства онъ не имѣлъ ничего, и осужденъ былъ на вѣчную зависимость отъ другихъ. Человѣческое достоинство личности было мало извѣстно древности. Міръ германскій напротивъ поставилъ личность саму въ себѣ главнымъ источникомъ и средоточіемъ права. Отсюда тѣ странныя явленія въ соціальномъ и юридическомъ бытѣ германскихъ племенъ, которыя, если сравнить ихъ съ строгою опредѣленностію и правильностію юридическихъ отношеній міра римскаго, кажутся необузданнымъ варварствомъ и отсутствіемъ всякаго права, чистѣйшимъ произволомъ. Сила господствуетъ надъ правомъ; справедливость на судѣ рѣшается поединкомъ; успѣхъ въ стычкѣ и дракѣ создаетъ право; средніе вѣка представляются какъ будто постоянною войною; повсюду господствуетъ право сильнаго—кулачное право. Вмѣсто одного общаго для всей имперіи римскаго пра-

ва, мы видимъ здѣсь безчисленное множество правъ различныхъ и несогласныхъ между собою: что городъ то законъ, что деревня то обычай. По личной системѣ правъ, господствовавшей въ средніе вѣка, каждый, безъ различія мѣста жительства, руководится въ юридическихъ отношеніяхъ законами и обычаями своей родины.

Повидимому въ такой средѣ вліяніе церкви должно было встрѣтить гораздо большіе непреодолимыхъ препятствій; ея усилія ввести какой-либо порядокъ, въ это царство необузданнаго произвола личности должны были оказаться гораздо малоплодиѣе, нежели въ мірѣ римскомъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ вышло наоборотъ. Вліяніе церкви въ средніе вѣка на организацію новыхъ государствъ, на установленіе правильныхъ юридическихъ отношеній, на законодательство, нравы, на развитіе просвѣщенія и вообще культуры и цивилизаціи, было громадное, даже можно сказать никогда еще оно не было такъ могущественно и такъ многосторонне. Церковь, можно сказать, была истинною воспитательницею, опекуншею новыхъ германскихъ народовъ; она участвовала при самомъ процессѣ зарожденія государственной жизни этихъ народовъ; она взяла эту молодую жизнь подъ свою опеку, защитила ее отъ всѣхъ ударовъ дикаго произвола и насилія, укрѣпила и только тогда выпустила изъ своихъ рукъ, когда новые народы и государства окрѣпли, стали на собственныхъ ногахъ и опека сдѣлалась болѣе не нужною, даже вредною.

Для того чтобы понять и объяснить какимъ образомъ церковь успѣла такъ широко распространить и такъ твердо поддержать свое вліяніе во весь періодъ среднихъ вѣковъ, необходимо обратить вниманіе на два главныя обстоятельства, благопріятствовавшія стремленіямъ церкви: 1) на свойства національнаго характера германскихъ племенъ и 2) на положеніе, какое успѣла занять церковь въ новыхъ государствахъ. Обозначимъ въ краткихъ чертахъ то и другое.

Римлянамъ справедливо принадлежитъ слава величайшихъ юристовъ; они довели науку права до высокаго совершенства и обладали всѣми качествами, нужными для юрискон-

сультовъ; но они дорого заплатили за эту славу; это былъ народъ — формалистъ, жесткій, властительный, холодный, безъ души, весь изъ разчета. Германцы не обладали этимъ холоднымъ, юридическимъ умомъ и этою безпощадною логикою; римскій геній единства, все уравнивающій такъ сказать нивеллирующій, былъ чуждъ племенамъ германскимъ; но имъ чужды были также и пороки римлянъ. Народъ поэтическій— германцы не были знакомы со всѣми тонкостями юридическими; у нихъ господствовало сердце, чувство, свобода; буквѣ закона они предпочитаютъ право, основанное на естественныхъ принципахъ; имъ вовсе чуждо строгое, абсолютное право римлянъ, эта идея властительства и деспотизма, на которой основывается римское семейство, и въ которомъ совсѣмъ исчезаетъ личность; они не вѣрятъ въ суевѣрное значеніе юридическихъ церемоній и формальностей, и не ставятъ въ зависимость отъ нихъ самой сущности права. Право германцевъ имѣетъ своимъ источникомъ чувство, природу, личность человѣческую. Правда, это чувство и эта природа груба, не цивилизована, варварская, своенравная и необузданная. Но она доступна всѣмъ вліяніямъ, воспитаніе можетъ сдѣлать изъ нея все. Римъ, когда явилась христіанская церковь, уже окрѣпъ, такъ сказать окаменѣлъ, сталъ не доступенъ для многимъ вліяній; для того, чтобы переработать его нужно было сначала разрушить; всякое могущественное вліяніе новыхъ идей, новыхъ началъ, котораго Римъ не могъ бы подавить или отразить, должно было оказаться для него разрушительнымъ, разложить всю римскую жизнь на составные элементы, и организовать ее въ новой формѣ; такимъ оказалось и вліяніе христіанства; оно разрушило римскую жизнь, разшатало древнія вѣрованія и начала. Новое вино не могло быть удержано и соблюдено въ старыхъ мѣхахъ. Германскій міръ напротивъ представлялъ совершенно новую, не тронутую почву; здѣсь все еще только начинало слагаться, всякое вліяніе здѣсь могло быть живо воспринято и усвоено. Здѣсь церкви хотя и предстояла борьба съ языческими воззрѣніями и обычаями, но обычаи эти еще не такъ окрѣпли, не затвердѣли; здѣсь для того чтобы создать что-либо новое,

не требовалась предварительная, тяжкая работа разрушенія стараго порядка, утвержденнаго цѣлыми вѣками. Кромѣ того самая почва, на которой церкви приходилось работать, несмотря на свою натуральную грубость, представляла, сравнительно съ греко-римскою, болѣе благопріятныхъ элементовъ для дѣятельности церкви. Для доказательства этого повидимому страннаго положенія, я приведу здѣсь нѣсколько фактовъ. Въ германскомъ семейномъ правѣ не существовало одного изъ самыхъ сильныхъ препятствій къ распространенію христіанскихъ идей, созданнаго римскимъ правомъ, именно не было этой суровой власти отца надъ дѣтьми, мужа надъ женою, этого права, не налагавшаго никакой обязанности, созданнаго исключительно въ интересахъ отца. Германцы не знали этой неумолимой власти; отецъ въ германской семьѣ имѣлъ также право надъ своими дѣтьми, но это было право опеки, защиты, столько же право, сколько и обязанность; право созданное въ интересахъ опекаемыхъ, не подавлявшее личности и свободы членовъ семейства и не тяготѣвшее надъ ними вѣчно въ теченіи всей жизни; оно прекращалось, когда потребность, на которой оно было основано, т.-е. покровительство, защита оказывались не нужными; когда дѣти достигали такого возраста, въ который сама природа призываетъ къ свободѣ и независимости. То же нужно сказать и объ отношеніяхъ мужа къ женѣ. Германская женщина также находилась подъ властію мужа; но эта власть нисколько не похожа на римскую; это—таже опека, тоже покровительство, которыми не уничтожалась личность женщины. Она пріобрѣтаетъ для себя, сама отчуждаетъ свою собственность; она раздѣляетъ съ мужемъ право воспитанія дѣтей и имѣетъ свою долю во власти родительской (Зак. Лонгобард.). По смерти мужа она становится опекуншею дѣтей (Зак. Бургунд. въ этихъ законахъ правамъ матери дается то же названіе: potestas) и полноправною наслѣдницею. Власть мужа надъ женою прекращается, когда онъ злоупотребляетъ своими правами (Зак. Лонгоб.). Слѣды той же натуральной мягкости, то же чувство природы мы находимъ въ германскихъ законахъ, опредѣляющихъ отношенія рабовъ

къ господамъ (Grimm Rechtsalterthüm T. 1, 446, T. II, 210) и въ законахъ уголовныхъ. Какъ не признать превосходства естественнаго чувства правды и справедливости предъ холодною разсудочною римскою юстиціею въ такомъ напр. законѣ Салическихъ франковъ; „кто украдетъ у бѣдняка единственный улей, тотъ платитъ за него столько же, какъ если бы укралъ седмь ульевъ у богатаго, или: за преступленіе совершенное противъ женщины и ребенка налагается наказаніе въ трое большее, нежели за преступленіе противъ мужчины. Если нанесено оскорбленіе женщинѣ, то всѣ при этомъ присутствовавшіе, хотя бы и не были соучастниками, платятъ четвертую часть пени, налагаемой заубійство мужчины и наказываются за то, что не защитили человѣка, который не могъ защищать самаго себя (Зак. Салич. tit. 45, 39, 14),

Я вовсе не думаю писать панегерикъ средневѣковому варварству, или превозносить его надъ знаменитою римскою цивилизаціею. Моя цѣль указать, что духъ и національный характеръ германцевъ былъ ближе къ природѣ, чувствительнѣе съ вѣчнымъ и справедливымъ требованіямъ; право, несмотря на свою первобытную грубость, было согласнѣе съ требованіями естественнаго чувства, и геній германской расы стоялъ въ большей гармоніи съ новою эрою, въ которую должно было вступить человѣчество. На этой свѣжей неразработанной почвѣ могла шире и свободнѣе дѣйствовать церковь; ея вліяніе на живое непосредственное чувство могло быть глубже и рѣшительнѣе. Ея борьба противъ закоренѣлыхъ римскихъ обычаевъ, освященныхъ строгимъ и выработанныхъ правомъ, ограничившаяся полумѣрами, колебаніями, уступками, достигла болѣе положительныхъ и плодотворныхъ результатовъ на германской почвѣ.

Той же цѣли содѣйствовало и особенное положеніе, какое заняла церковь въ новыхъ германскихъ королевствахъ. Землевладѣніе, какъ извѣстно, было главнымъ основаніемъ всякихъ политическихъ правъ и отношеній въ новыхъ государствахъ; а церковь была богатѣйшею собственницею земель и кромѣ того владѣла почти всѣмъ умственнымъ образова-

ніемъ того времени. Неудивительно, если ея представители епископы заняли самое высокое политическое положеніе въ новыхъ государствахъ, составили родъ духовнаго дворянства, наряду съ свѣтскимъ, и образовали первое сословіе въ государствахъ. Ихъ очень рано стали призывать въ собраніе вельможъ, въ совѣтъ короля для совѣщанія о всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ и участія во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ событіяхъ. Уже въ VI и VII ст. мы встрѣчаемъ ихъ на законодательныхъ національныхъ собраніяхъ и здѣсь они играютъ первую роль, подаютъ первый голосъ и первые подписываютъ свои имена на синодальныхъ актахъ (въ подписяхъ на нѣкоторыхъ англійскихъ синодальныхъ актахъ VIII в. мы находимъ имя архіепископа Кентербюрійскаго даже прежде имени короля). Будучи первымъ сословіемъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ, епископы въ испанскомъ—готѳскомъ королевствѣ въ VII в. (со времени Толед. соб. 633 г.) не только получаютъ право избирать короля вмѣстѣ съ прочими вельможами, но даже предписываютъ ему, при избраніи, различныя обязанности, а потомъ становятся почти единственною опорою колеблющагося трона. Въ Англіи такихъ же точно правъ они достигаютъ въ концѣ VIII в. на двухъ большихъ соборахъ 787 г. Даже во франкскомъ королевствѣ, несмотря на установившееся здѣсь право наслѣдственности трона, ихъ приглашаютъ и Пипинъ и Карлъ на всѣ собранія, которыя утверждали раздѣлъ государства между членами фамиліи Карловинговъ. Они участвуютъ въ составленіи капитуляріевъ, и на всѣ общественныя дѣла пріобрѣтаютъ непосредственное вліяніе своимъ высокимъ и орочнымъ положеніемъ въ государствѣ. Имъ предоставляется самый широкій надзоръ за общественнымъ правосудіемъ. Напр. Клотарь 1 постановилъ, чтобы епископы, въ отсутствіе короля, наказывали судей, не справедливо осудившихъ невиннаго и возобновляли процессъ. Реккаредъ 1 (589 г.) приказывалъ судьямъ городскимъ и деревенскимъ присутствовать на ежегодныхъ епископскихъ собраніяхъ, чтобы учиться, какъ слѣдуетъ имъ похристіански исполнять свои обязанности и отправлять правосудіе. Мало этого,

епископы должны были строго и постоянно слѣдить за судьями и о непослушныхъ доносить королю. Церкви предоставленъ былъ дисциплинарный надзоръ надъ всѣми сторонами общественной жизни и государство само поддерживало значеніе и силу церковной дисциплины своими наказаніями. Короли Франковъ (Хильдебертъ въ 595 г. и Пипинъ въ 755 г.) опредѣляютъ напр. чтобы съ церковнымъ отлученіемъ всегда соединялась ссылка. Но кромѣ этого контролирующаго отношенія церкви къ средневѣковому обществу, которое однако же открывало широкій просторъ ея вліянію, церковь имѣла непосредственно въ своихъ рукахъ многія стороны общественной и государственной жизни и могла прямо вліять на образованіе юридическихъ отношеній и на выработку и проведеніе въ жизнь собственныхъ началъ права. Стоитъ припомнить объемъ церковнаго вѣдомства и юрисдикціи въ средніе вѣка, чтобы представить себѣ какое множество юридическихъ отношеній, какое разнообразіе ежедневныхъ вопросовъ подлежали исключительному вѣдѣнію, разбирательству и суду церкви. Я не могу здѣсь, Мм. Гг. входить въ какія-либо подробности относительно объема церковной юрисдикціи въ средніе вѣка и принужденъ ограничиться однимъ перечнемъ главныхъ предметовъ церковнаго вѣдомства, подлежавшихъ суду и разбирательству духовныхъ властей. Сюда принадлежали всѣ дѣла брачныя съ разнообразными условіями заключенія и расторженія браковъ и со всѣми слѣдствіями, отсюда вытекающими, иски по обязательствамъ, скрѣпленнымъ клятвою, всѣ процессы, въ которыхъ какимъ-нибудь образомъ замѣшивались церковныя отношенія и всѣ случаи, когда судебное рѣшеніе клонилось бы къ ущербу церковнымъ интересамъ; далѣе, церковной подсудности подлежали духовныя завѣщанія, и не только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они предназначались *adpiam causam*; въ этомъ послѣднемъ случаѣ даже положительная воля завѣщателя не могла устранить церковную власть отъ участія въ дѣлѣ;—всѣ тѣ иски и тяжбы, когда свѣтскій судъ отказывалъ или медлилъ правосудіемъ, или когда вообще обращались къ духовному суду. Дѣло, разъ предъявленное хотя бы одною стороною духов-

ной власти уже не могло быть взято назадъ и передано на разсмотрѣніе свѣтскаго суда. Судебная власть церкви вмѣшивалась во всѣ преступленія на томъ основаніи, что каждое преступленіе противъ законовъ государства есть вмѣстѣ и грѣхъ, преступленіе законовъ церкви, въ каждомъ есть елементъ грѣховный, подсудный власти духовной. Что касается дѣлъ между духовенствомъ, то всѣ они, не исключая даже уголовныхъ, подлежали вѣдомству и суду церкви. Сюда же относились иски и тяжбы между бѣдными, вдовами, сиротами и т. п. Словомъ всѣ виды процессовъ находили мѣсто въ церковномъ судѣ. Отъ того въ каноническомъ правѣ среднихъ вѣковъ (въ декреталіяхъ) мы находимъ цѣлый рядъ постановленій, касающихся формъ и порядка судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ

Такое положеніе церкви въ средневѣковомъ обществѣ давало въ руки ея представителямъ самыя разнообразныя средства проводить свое вліяніе во всѣ сферы государственной и гражданской жизни германскихъ народовъ, и исторія европейской цивилизаціи въ средніе вѣка показываетъ, какъ широко и какъ плодотворно было это вліяніе. Имѣя въ виду нашу ближайшую цѣль, мы отмѣтимъ здѣсь главныя явленія въ области средневѣковаго права, въ которыхъ обнаружилось образующее вліяніе церкви. Въ этой сферѣ церковь имѣла двоякое значеніе:

1) Она послужила проводникомъ лучшихъ римскихъ юридическихъ началъ въ міръ Германскій. „Что сталось бы съ Европою послѣ вторженія варваровъ, спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ знаменитыхъ историковъ, еслибы обломки древней цивилизаціи не нашли себѣ убѣжища въ церкви? Историки сравниваютъ переселеніе народовъ съ потопомъ: церковь была истиннымъ ковчегомъ, который одинъ, среди бурь и непроницаемой мглы, носился надъ бездною, готовою поглотить все, что древность произвела въ наукѣ и искуствѣ; церковь воздѣлала это слабое зерно и плодомъ была новѣйшая цивилизація, болѣе богатая и многосторонняя чѣмъ цивилизація древнихъ (Macoulay, Hist. of England ch. 1).“ Тотъ же вопросъ знаменитаго историка, сдѣланный имъ относительно всей древней цивилизаціи, мы мог-

ли бы примѣнить въ частности къ римскому праву? Что сталось бы съ этимъ великимъ и драгоцѣннымъ наслѣдствомъ отъ древняго міра, еслибы не нашлось для новыхъ грубыхъ и варварскихъ народовъ такого надежнаго опекуна какъ церковь, который бы сохранилъ для нихъ до времени совершеннолѣтія это дорогое наслѣдство. По счастію церковь сохранила его у себя и, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ и вліяніемъ, постепенно вводила его въ жизнь новыхъ народовъ. Духовенство было лучшимъ хранителемъ греко-римскаго права уже потому, что гдѣ бы оно ни являлось, въ какой бы странѣ ни организовалось, вездѣ оно жило и опредѣляло свои юридическія отношенія по греко-римскому праву. По господствовавшей тогда системѣ личныхъ правъ слѣдовало бы клирикамъ римскаго происхожденія подчиняться законамъ римскимъ, а клирикамъ изъ варваровъ—жить по законамъ своего племени и страны. Но на дѣлѣ было не такъ. Клиръ въ германскихъ королевствахъ съ самаго его начала образовалъ особую корпорацію, члены которой, къ какому бы племени и странѣ они ни принадлежали, управлялись во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ и интересахъ римскимъ правомъ, qua ecclesia vivit. Такимъ образомъ поступленіе въ клиръ для германца равнялось полному юридическому перерожденію. При многочисленности и важномъ политическомъ значеніи духовной корпораціи она представлялась какъ бы новымъ государствомъ въ новыхъ государствахъ, живымъ продолженіемъ римской имперіи въ средѣ Варваровъ. При постоянныхъ столкновеніяхъ между этими римлянами и варварами, вслѣдствіе прямой зависимости многихъ сторонъ общественной жизни отъ церкви и ея представителей, римскія юридическія понятія и институты должны были сами-собою переходить въ жизнь новыхъ народовъ и постепенно подготовлять образованіе одного общаго законодательства для всѣхъ, и для римлянъ и для варваровъ. Будучи первымъ сословіемъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ, участвуя въ составленіи варварскихъ законовъ, оно вносило въ нихъ греко-римскія юридическія начала, съ которыми оно было знакомо гораздо

лучше, нежели кто-либо другой. И это было тѣмъ удобнѣе, что грубое первобытное право Германцевъ, до просвѣщенія ихъ христіанствомъ, почти совершенно не имѣло понятія о многихъ важнѣйшихъ гражданскихъ институтахъ, напр. о правѣ брачномъ, о завѣщаніяхъ и т. п. Поэтому со времени введенія христіанства и цивилизаціи въ новыхъ королевствахъ, какъ самые эти отношенія и возникающія изъ нихъ права и обязанности были подчинены вѣдѣнію церкви, такъ и законодательныя нормы для нихъ были опредѣляемы ею же. Греко-римское церковно—гражданское право было единственнымъ въ этомъ отношеніи источникомъ для туземнаго законодательства. Оттого-то въ такъ-называемыхъ уложеніяхъ варваровъ (Leges Barbarorum) и содержаніе, и форма, и языкъ, по замѣчанію знатоковъ германскаго права (Eichhorn Th. 1. p. 99. Savigny Geschichte 1, Кар. III. V)—все въ нихъ римское и рѣдко проглядываетъ германская стихія.

2) Въ теченіе первой половины среднихъ вѣковъ образующая дѣятельность церкви преимущественно ограничивалась сохраненіемъ остатковъ древней цивилизаціи и усвоеніемъ ихъ новымъ народомъ. Со второй половины средневѣковаго періода эта дѣятельность становится гораздо шире и независимѣе; папство становится сомостоятельною монархіею—и получаетъ громадное вліяніе на политическій бытъ средневѣковыхъ государствъ. Въ западной церкви образуется свое особое, совершенно самостоятельное право—jus canonicum въ противуположность свѣтскому праву jus civile, и съ XII ст. становится предметомъ тщательнѣйшаго изученія въ Итальянскихъ и Французскихъ университетахъ. Въ Итальянскихъ, точно также какъ и въ другихъ университетахъ, юридическій факультетъ имѣлъ тогда двѣ главныя коллегіи по римскому и каноническому праву. Объясненію и систематикѣ каноническаго права посвящаютъ свои труды лучшіе умы того времени и громаднѣйшія сочиненія въ формѣ глоссъ и комментаріевъ наполняютъ средневѣковую литтературу. Содержаніе каноническаго права въ этотъ періодъ такъ разнообразно, объемъ его, какъ и вообще пространство средневѣковой церковной юрисдикціи,

до того широкъ, что трудно указать какое-либо юридическое отношеніе особенно въ области права гражданскаго, которое не имѣло бы въ немъ законодательныхъ нормъ и опредѣленій.

Какія же новыя идеи вводились церковію въ юридическое сознаніе народовъ Европы путемъ широкаго приложенія къ средневѣковой жизни каноническихъ нормъ и распространенія ихъ въ школахъ и судебной практикѣ?

Въ каноническомъ правѣ мы впервый разъ встрѣчаемся съ такимъ понятіемъ о существѣ самаго права, которое было совершенно не доступно средневѣковому положительному законодательству и даже не ясно сознавалось лучшими юристами древности. Римляне, народъ положительный, не углублялись въ вѣчныя принципы права и справедливости. На эти принципы указало, и ихъ раскрыло каноническое право. Въ декретѣ Граціана мы находимъ такое опредѣленіе естественнаго права: „это право имѣетъ своимъ источникомъ евангеліе; основанное на природѣ человѣка оно повсюду одно и то же.“ Глосса прибавляетъ къ этому, что инстинкты природы, служащіе основаніемъ естественнаго права, имѣютъ свое начало въ разумѣ (Jnstinctus naturae ex ratione proveniens; et jus ex tali natura proveniens dicitur naturalis aequitas). Такимъ образомъ естественное право, въ высшемъ смыслѣ, имѣетъ свое основаніе въ волѣ божества и въ разумѣ, или, какъ выражается Ѳома Аквинскій, оно есть участіе человѣческаго разума въ божественной и вѣчной истинѣ. Въ какомъ же отношеніи находится естественное право къ положительному закону? Законъ, по представленію каноническаго права, есть выраженіе всеобщей справедливости; онъ долженъ быть проявленіемъ всеобщаго разума и находиться въ гармоніи съ божественнымъ правомъ. Правда, законъ разнообразится сообразно съ нравами народовъ; но онъ долженъ сообразоваться не только съ человѣческими обстоятельствами, но и прежде всего съ всеобщею правдою, съ волею божества. Если, какъ говоритъ Ѳома Аквинскій, законъ противорѣчитъ естественному праву, онъ перестаетъ быть закономъ и ему не слѣдуетъ повиноваться.

Положительное право среднихъ вѣковъ было слишкомъ далеко отъ идеала, выработаннаго каноническимъ правомъ. Церковь не скрывала своего презрѣнія въ грубымъ національнымъ обычаямъ варваровъ, и въ тѣхъ лучаяхъ, когда они противорѣчили ея воззрѣніямъ, она употребляла всѣ усилія для того, чтобы установить господство права надъ фактомъ. Естественное право, по теоріи средневѣковыхъ канонистовъ, занимаетъ первое мѣсто и по времени своего происхожденія и по внутреннему достоинству; оно выше обычая и закона. Оно, по выраженію декреталіевъ, есть произведеніе божества, а Богъ не говоритъ о себѣ: Я есмь обычай; но говоритъ: Я есмь истина и жизнь. Слѣдовательно обычай и законъ не должны стоять въ противорѣчіи съ истиною; иначе ихъ слѣдуетъ отвергнуть, хотя бы за нихъ стоялъ авторитетъ вѣковъ; время не узаконяетъ заблужденія и давность не дѣлаетъ его лучшимъ; когда говоритъ истина, тогда умолкаетъ всякой авторитетъ (Dist VIII, c. d).

Такія понятія о существѣ права церковь стремилась проводить въ средневѣковое общество и въ законодательство. Въ частнѣйшихъ примѣненіяхъ этого понятія обращаютъ на себя особенное вниманіе воззрѣнія церкви на правосудіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Если мы вникнемъ въ уголовные кодексы варваровъ, то безъ труда замѣтимъ, что судъ и правосудіе Германцевъ были дѣломъ чисто личнымъ, индивидуальнымъ. Понятіе о судѣ, какъ о функціи общественной, какъ о вмѣшательствѣ общества для сохраненія и возстановленія права и для поддержанія общественнаго порядка, было чуждо германскимъ племенамъ. Основнымъ принципомъ уголовнаго права была денежная пеня; пеня въ строгомъ смыслѣ не есть наказаніе; это скорѣе сдѣлка между нарушителемъ права и потерпѣвшимъ отъ нарушенія; это мирный договоръ съ цѣлію предотвратить войну между сторонами. Гдѣ не было этой сдѣлки тамъ дѣйствительно начиналась война; право мести предоставлялось каждому. Въ правѣ церкви преступленіе и наказаніе совершенно измѣняютъ свой характеръ. Преступленіе не есть только матеріальный вредъ, причиняемый другому, и наказаніе не есть только вознагражденіе

за этотъ вредъ. Преступленіе, по понятію каноническаго права, есть нарушеніе божественнаго закона, и въ этомъ, а не въ матеріальномъ вредѣ, заключается его сущность; посему не степенью только вреда, но намѣреніемъ виновнаго опредѣляется тяжесть его проступка, и наказаніе есть умилостивленіе (expiatio) правдѣ и справедливости; оно налагается не для того, чтобы причинить зло, вредъ преступнику, но для того, чтобы исправить его. Вотъ причины необыкновенной мягкости, гуманности взгляда церкви на употребленіе наказаній. Болгары, народъ полудикій, только что просвѣщенный христіанствомъ, обращаются къ папѣ Николаю I за совѣтомъ объ измѣненіяхъ, какія необходимо сдѣлать въ ихъ законодательствѣ. И вотъ что между прочимъ пишетъ имъ папа: „Ни законъ божественный, ни законъ человѣческій не допускаютъ пытки; признаніе не должно быть вырываемо у виновнаго мученіями; оно должно быть добровольное. Если, несмотря на пытки, вы не вынудите признанія у виновнаго, тогда вашъ судъ долженъ окончиться поруганіемъ справедливости, ибо вы принуждены будете освободить его. Если напротивъ ваши пытки вынудятъ признаніе у невиннаго, то не будетъ ли истиннымъ преступникомъ въ этомъ случаѣ судья, произносящій приговоръ“ (Mansi XV, p. 428). Тотъ же голосъ слышится отъ цѣлаго ряда средневѣковыхъ соборовъ. Они произносятъ анаѳему на тѣхъ судей, которые прибѣгаютъ къ пыткѣ для того, чтобы вынудить признаніе (соб. Толед. 683 г. пр. 2). Тамъ, гдѣ церковь не могла отстоять своего взгляда на практикѣ, она останавливала жестокую процедуру варварскихъ судовъ, открывая виновнымъ убѣжище въ своихъ храмахъ и на священныхъ мѣстахъ—право, которымъ она пользовалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Слишкомъ далекая отъ того, чтобы проповѣдывать безнаказанность преступленія, церковь первая примѣнила исправительную систему къ преступникамъ и постоянно указывала ея превосходство предъ системою карательною.

Въ понятіи каноническаго права о правосудіи замѣчательна еще одна черта. Законы варваровъ освящали неравенство даже предъ судомъ; они полагали различіе въ

наказаніяхъ на основаніи различія въ общественномъ положеніи виновнаго; низшіе классы подвергались болѣе жестокимъ наказаніямъ, нежели высшіе (нобли). Понятно, что такая неравномѣрность была полнѣйшимъ нарушеніемъ справедливости и совершенно не соотвѣтствовала каноническимъ понятіямъ о правосудіи. Церковь не признавала справедливымъ даже абсолютнаго равенства въ наказаніяхъ; для всѣхъ классовъ истинное равенство, по понятіямъ церкви, заключалось бы въ сравнительно большей строгости наказанія для сильнаго и богатаго и въ снисхожденіи къ слабому. „Сильные міра сего, говоритъ одинъ изъ соборовъ XI вѣка, должны подвергаться наказаніямъ болѣе строгимъ, нежели слабые; уравнивать ихъ значило бы тоже, что ставить на одну линію человѣка здороваго съ больнымъ (Mansi XIX, 30[1]). Эти возвышенныя понятія о правосудіи церковь постоянно и энергически внушала германскимъ правителямъ. Церковные соборы среднихъ вѣковъ наполнены правилами объ обязанностяхъ королей, и между ними первое мѣсто занимаетъ справедливость, конечно, потому, что въ ней особенно нуждалось тогдашнее общество, гдѣ сила создавала право и битва рѣшала всѣ споры.“ Король, говоритъ одинъ изъ Толедскихъ соборовъ, потому называется королемъ (rex), что онъ правитъ справедливо (recte); тогда только онъ законно носитъ свой титулъ... Наши отцы справедливо говорили: Roi tu seras, quand droit tu feras; quand droit ne feras, roi ne seras.“

Мнѣ пришлось бы, Мм. Гг., слишкомъ широко раздвинуть предѣлы моей рѣчи, еслибы я захотѣлъ даже только намѣтить всѣ новыя идеи, которыя чрезъ каноническое право и церковную практику, проникали въ жизнь средневѣковыхъ народовъ и постепенно совершали преобразованіе ихъ изъ полудикихъ варваровъ въ цивилизованныя націи. Укажу еще одну великую идею, представительницею которой во весь средневѣковой періодъ была, можно сказать, одна церковь. Это—идея международнаго единства и общенія. Если принципъ индивидуальности въ частномъ правѣ, не ограничиваемый истиннымъ понятіемъ о правѣ и справедливости, долженъ былъ привести къ полнѣйшему господ-

ству силы, т.-е. къ уничтоженію всякаго права, то начала феодальныя при неограниченномъ господствѣ силы въ средніе вѣка, совершенно разрушили бы государство, раздробили бы Европу на безконечное множество мелкихъ, изолированныхъ, вѣчно враждебныхъ между собою владѣній. Для того, чтобы противодѣйствовать порокамъ феодальной системы и развить зерно будущаго международнаго союза необходимъ былъ другой элементъ, необходима была идея единства во внѣшней, для всѣхъ видимой и ощутительной формѣ. Единство такъ же существенно необходимо для общества, какъ индивидуальность, личность. Церковь въ средніе вѣка не только сама воплотила въ себѣ эту великую идею, имѣя повсюду одно устройство, одно управленіе и одно право, но служила объединяющею силою для враждебныхъ національностей и для разрозненныхъ феодализмомъ частей внутри каждой національности. Христіанство въ полномъ своемъ развитіи само собою ведетъ къ тому, что всѣ христіанскіе народы, сохраняя каждый свою національную самобытность, вступаютъ между собою въ одинъ общій братскій союзъ, и всѣ насилія и племенная вражда между ними, съ точки зрѣнія церкви, являются незаконными и ненормальными. Какъ бы ни было несовершенно осуществленіе этой идеи въ исторіи Европейскихъ народовъ, но самое стремленіе ихъ къ этому единству сдѣлалось возможно только при существованіи на землѣ христіанской церкви какъ единаго всемірнаго учрежденія. Въ мірѣ римскомъ была идея единства и стремленіе къ объединенію; то это единство основывалось на завоеваніи, на господствѣ сильнаго, на преобладаніи. Это единство чисто внѣшнее, насильственное, разрушительное. Типъ нравственнаго единства мы находимъ только въ христіанской церкви; его первообразъ мы видимъ въ междуцерковномъ союзѣ, по своей древности, современномъ христіанству. Въ самые первые вѣка христіанства, во времена самыхъ жестокихъ гоненій мы видимъ, что самыя отдаленнѣйшія церкви постоянно сносятся между собою, стоятъ въ тѣсномъ союзѣ: церковь Ліонская съ Малоазійскими, церковь Римская съ Африканскими. Съ признаніемъ церкви въ государ-

ствѣ союзъ этотъ еще болѣе разширился и блистательнымъ его проявленіемъ были вселенскіе соборы. Въ средніе вѣка, несмотря на всѣ пороки папства, оно является единственнымъ союзомъ международной жизни. Къ папамъ обращаются отдѣльныя націи для принятія ихъ въ христіанскій союзъ Европейскихъ государствъ, и папы возводятъ ихъ на степень христіанскихъ королевствъ. Такъ было съ Венгріею въ 1073 г., съ Кроаціею въ 1076 г., съ Португаліею въ 1142 и 1179 гг., съ Ирландіею въ 1156 г. и проч. Тогда начинаютъ устанавливаться посольства и конгрессы; короли, за свои заслуги церкви, получаютъ различные титулы, слѣды которыхъ остались еще и теперь въ почетныхъ титулахъ христіанскихъ государей Европы. Вообще церковь является единственною связующею силою въ раздробленной, средневѣковой жизни.

Церковная идея единства предполагаетъ равенство. Въ Германскомъ мірѣ все человѣчество является раздѣленнымъ на двѣ половины; одна, по самому рожденію своему, призвана къ господству и обладанію, другая къ зависимости и служенію. Правда германское крѣпостное право представляется большимъ шагомъ впередъ съ сравненіи съ рабствомъ древняго міра; но оно слишкомъ далеко отъ равенства. Одна церковь въ своей организаціи представляетъ систему, совершенно противоположную феодальной. Въ вѣкъ по преимуществу аристократическій она не знаетъ дворянства; и графы и рабочіе одинаково восходятъ на каѳедру св. Петра, сыновья королей одѣваются въ монашеское платье и уравниваются съ пноками простаго происхожденія; власть предоставляется талантамъ.

Совершенно новыя идеи мы находимъ и въ имущественномъ правѣ церкви. Партикуляризмъ феодальной собственности служитъ основаніемъ средневѣковаго владѣльческаго права; идеалъ церкви есть общинное владѣніе и жизнь клириковъ въ капитулахъ и монашескихъ орденовъ представляетъ собою рѣшительный контрастъ съ жизнію бароновъ въ феодальныхъ замкахъ.

Если мы изъ области идей перейдемъ въ область фактовъ, обратимся къ самой исторіи средневѣковыхъ государствъ,

то увидимъ, что церковь, пользуясь своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ и значеніемъ, производила самое благотворное вліяніе на всѣ классы общества, устанавливая здравыя юридическія и соціальныя понятія и противодѣйствуя разнымъ обычаямъ, носившимъ на себѣ ясные слѣды стараго германскаго язычества.

Церковь скрѣпляна союзъ новыхъ государственныхъ организмовъ и поддерживала слабую, неуспѣвшую еще пустить глубокихъ корней въ обществѣ, государственную власть. Наблюдая исторію Готѳовъ, Франковъ, Лангобардовъ и Англосаксовъ въ первые 50 лѣтъ послѣ обращенія ихъ къ христіанству, мы видимъ постоянную и притомъ насильственную смѣну однихъ правителей другими. Достаточно было какому-нибудь бунтовщику стать явно, или тайно во главѣ своихъ приверженцевъ, умертвить правителя, чтобы потомъ занять его мѣсто на престолѣ и сидѣть на немъ до появленія новаго, болѣе счастливаго искателя приключеній. Въ теченіи VII и VIII стол. троны получаютъ большую твердость, начало государственной власти крѣпнетъ, и этимъ она болѣе всего обязана была церкви. Союзъ церкви съ государственною властію сообщилъ ей ту твердость, которой она не могла завоевать себѣ оружіемъ. Свергнуть съ престола правителя, съ которымъ была въ союзѣ церковь, было не такъ-то легко; доколѣ представители церкви стояли на его сторонѣ и поддерживали его своимъ политическимъ и религіознымъ вліяніемъ на народъ, до тѣхъ поръ его власть имѣла несомнѣнный перевѣсъ надъ каждою другою, которая захотѣла бы ей противодѣйствовать.

При постоянныхъ феодальныхъ междоусобіямъ и самоуправствѣ, церковь оказала великое благодѣяніе средневѣковому обществу установленіемъ такъ-называемаго мира Божія, которымъ въ извѣстные дни недѣли (именно въ тѣ, когда церковь воспоминаетъ страданіе, погребеніе и воскресеніе Спасителя) запрещалось всякому нападать на своего противника и причинять вредъ его имуществу, мстить за оскорбленія и даже носить оружіе. Этимъ учрежденіемъ поставлены были хотя нѣкоторыя границы кулачному праву, господствовавшему въ средніе вѣка—и нужно замѣтить,

что никакая сила въ мірѣ, кромѣ религіи и авторитета церкви, не могла бы произвести этого. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь не могла остановить проявленій кулачнаго права, она открывала у себя убѣжище отъ ожесточеннаго преслѣдованія кровавой мести.

Обращаясь къ законодательству германскихъ народовъ нельзя не видѣть, что церковь, какъ обширнымъ примѣненіемъ къ практикѣ болѣе чистыхъ и правильныхъ началъ канонической права, такъ и прямымъ участіемъ ея представителей въ составленіи законовъ, дѣйствительно внесла болѣе гуманности въ уголовные кодексы варваровъ, болѣе справедливости въ судъ; установила сначала въ своихъ, а потомъ и въ свѣтскихъ судахъ болѣе приспособленный къ дознанію истины слѣдственный порядокъ судопроизводства, вмѣсто господствовавшаго тогда порядка обвинительнаго, и ввела въ употребленіе судебныя доказательства, болѣе соотвѣтственныя съ существомъ дѣла, въ замѣну ордалій или судовъ Божіихъ.

При первомъ взглядѣ на варварскіе кодексы можетъ показаться, что съ того времени, какъ христіанскій клиръ сталъ принимать участіе въ законодательствѣ, законы во всѣхъ вновь образовавшихся государствахъ сдѣлались болѣе строгими. Дѣйствительно законы стали строже, но общій духъ законодательства сдѣлался справедливѣе и гуманнѣе. Въ старыхъ германскихъ и французскихъ законахъ большая часть преступленій, если они были направлены не противъ короля и государства, а противъ частныхъ лицъ, подвергала виновныхъ только денежной пенѣ, которою должны были удовлетворяться какъ обиженный, такъ и общественное правосудіе. Даже убійство могло быть искуплено деньгами, количество которыхъ опредѣлялось сообразно съ общественнымъ положеніемъ убитаго. Можно ли въ этой слабости древнихъ германскихъ законодательствъ видѣть доказательство ихъ гуманности, или напротивъ не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ низкаго понятія о правахъ человѣческой личности и о цѣнѣ человѣческой жизни? Если церковь содѣйствовала изгнанію изъ законодательства этой недостойной слабости, если она настаивала на строгія на-

казанія за такія тяжкія преступленія какъ убійство, то конечно ее нельзя обвинять за это въ жестокости. Притомъ нужно знать, откуда происходила эта слабость и для кого она была выгодна? Слабые законы были выгодны только для сильныхъ и богатыхъ преступниковъ и слабость законодателя главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что верховная власть въ неустроенномъ феодальномъ обществѣ не чувствовала себя довольно сильною для того, чтобы строго наказывать знатныхъ и богатыхъ бароновъ. Съ преступниками простаго и бѣднаго класса обращались не только жестоко, но и совершенно произвольно примѣняли къ нимъ наказанія. Хлодвигъ наказалъ смертію одного Франка за то только, что, при смотрѣ войскъ, его оружіе было не въ полномъ порядкѣ (Gregor. Tur. h. II. c. 27). Примѣровъ подобныхъ жестокостей на судѣ и въ наказаніяхъ бѣдныхъ и безсильныхъ преступниковъ представляется очень много въ исторіи Меровинговъ. Можно ли же винить церковь въ томъ, что она своимъ вліяніемъ настояла на примѣненіе къ тяжкимъ преступленіямъ болѣе строгихъ наказаній и притомъ не обращая вниманія на лице преступника. Мнѣ кажется, что законы отъ этого дѣлались болѣе справедливыми и болѣе безпристрастными. Защитники обсолютной гуманности обвиняютъ церковь за многіе законы, внесенные подъ ея вліяніемъ въ кодексы Франковъ и Готѳовъ и за различныя виды казней, точно также будто бы введенныхъ по настоянію представителей церкви. Дѣйствительно епископы первые обратили вниманіе законодательства на многіе предметы и дѣйствія, которые прежде считались или безразличными, или совершенно невинными и дозволенными, а теперь объявлены преступными. Но за это пришлось бы винить уже христіанство, совершенно измѣнившее взглядъ на нравственныя и общественныя дѣйствія и отношенія человѣка. Подъ вліяніемъ епископовъ были внесены въ кодексы Франковъ и Готѳовъ многіе дисциплинарные зак ны; но исторія можетъ только быть признательною за это, потому что этими законами поддерживались спокойствіе, безопасность и порядокъ среди хаотическаго броженія феодальнаго міра. Что касается до тѣлесныхъ наказаній, вве-

деніе которыхъ въ уголовные кадексы также приписываютъ церкви, то исторія несомнѣнно удостовѣряетъ, что употребленіе этихъ наказаній у Франковъ и Вестготовъ было гораздо прежде обращенія ихъ въ христіанство, по крайнѣй мѣрѣ въ отношеніи къ рабамъ и низшимъ классамъ народа (Caesar De Bello Gall L. 1) и, если они не встрѣчаются въ законахъ ранѣе того времени, когда христіанскій клиръ сталъ принимать участіе въ законодательствѣ, то единственно потому, что и самые законы варваровъ до этого времени не были собраны и записаны *). Напротивъ, церковь, какъ я уже и говорилъ, совершенно измѣнивъ характеръ и значеніе преступленія и наказанія, первая ввела систему исправительную на мѣсто карательной.

Въ германскомъ судебномъ процессѣ подъ вліяніемъ церкви произведены были также важныя измѣненія. Я упомянулъ, что церковію введенъ былъ новый порядокъ судопроизводства, именно слѣдственный. Уже въ VIII вѣкѣ Франкскіе епископы держались именно этого порядка въ своей уголовной юрисдикціи надъ мірянами по дѣламъ, подлежавшимъ ихъ вѣдомству. Отсюда образовались такъ-называемые Зенды (Sende), или духовные суды, которые каждый епископъ производилъ ежегодно въ приходахъ своей епархіи; на этихъ судахъ мы находимъ выборныхъ и облеченныхъ довѣріемъ общины свидѣтелей (testes synodales), видимъ подробные допросы, клятву, какъ одно изъ судебныхъ доказательствъ и пр. Въ числѣ судебныхъ доказательствъ, принятыхъ въ германскомъ процессѣ, было одно очень оригинальное — такъ-называемый судъ Божій, или ордаліи и судебный поединокъ. Требовали вмѣшательства самого божества, ожидали отъ него чуда для того, чтобы раскрыть истину и вывести изъ сомнѣнія право, казавшееся сомнительнымъ. Подозрѣваемаго въ преступленіи подвергали испытанію посредствомъ горячаго желѣза или воды, и

*) Большую часть такихъ наказаній мы встрѣчаемъ въ Вестготѳвскихъ законахъ, собраніе которыхъ относится уже къ половинѣ VII столѣтія.

если онъ выходилъ невредимымъ, его невинность была торжественно признаваема на судѣ. Какъ ни мало раціоналенъ этотъ способъ доказательства, въ немъ однако же скрывается тайная вѣра въ нравственный порядокъ міроправленія, по которому, правда, тѣмъ или другимъ способомъ, но неизбѣжно должна обнаружиться и само божество, чрезвычайными средствами будетъ содѣйствовать ея раскрытію. Чѣмъ непривычнѣе и труднѣе казался путь разумнаго изслѣдованія, которымъ теперь цивилизованныя націи идутъ къ дознанію истины и возстановленію нарушеннаго права, тѣмъ естественнѣе была наклонность призывать на помощь непосредственный судъ Божій. Церковь нашла этотъ обычай уже окрѣпшимъ въ жизни германскихъ племенъ и не могла сразу стать въ прямую оппозицію къ нему тѣмъ болѣе, что онъ противорѣчилъ началамъ христіанства не столько по основной своей идеѣ, сколько по тѣмъ способамъ и пріемамъ, въ какихъ онъ проявлялся и прилагался въ практикѣ. Ордаліи, какъ обрядъ религіозный, ставили всю уголовную юстицію въ непосредственную зависимость отъ церкви. Кто же, какъ не служители церкви должны были играть здѣсь главную роль, приносить молитвы божеству о ниспосланіи откровенія истины и рѣшеніи спорнаго вопроса. И церковь воспользовалась этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы измѣнить самый характеръ этого обычая, обставила самый процессъ священными церемоніями, напр. желѣзо, опредѣленное для испытанія, освящалось чтеніемъ особыхъ молитвъ, кропилось святою водою, хранилось въ опредѣленныхъ церквахъ; въ церквахъ же производилось и самое испытаніе, обстановленное многими предварительными обрядами. Вообще въ рукахъ церкви ордаліи совершенно измѣнили, свой характеръ; притомъ и самый приговоръ, бывшій результатомъ испытанія, можно сказать, совершенно находился въ рукахъ церкви *). Въ те-

*) Нѣкоторые историки склонны даже думать, что духовенство, имѣя въ своихъ рукахъ распоряженіе ордаліями, прибѣгало въ нерѣдкихъ случаяхъ къ хитрости и обману и самое испытаніе устраивало такъ, что изъ него долженъ былъ выходить именно тотъ результатъ, какого

ченіи второй половины среднихъ вѣковъ церкви удалось совершенно вытѣснить ордаліи изъ практики и замѣнить ихъ введеніемъ слѣдственнаго процесса въ духовныхъ, а потомъ и въ свѣтскихъ судахъ. Что касается судебныхъ поединковъ, предоставлявшихъ рѣшеніе дѣла чисто случаю, или внѣшней силѣ и ловкости, то церковь съ самаго начала энергически протестовала противъ нихъ и не допускала на своихъ судахъ. Еще въ VI вѣкѣ, когда король Бургундскій выставлялъ епископу Вьенскому Ави господствовавшій въ то время взглядъ, что въ частныхъ поединкахъ Богъ доставляетъ побѣду тому, на чьей сторонѣ правда, епископъ отвѣчалъ: „Не случается ли ежедневно въ вашихъ поединкахъ, что отказывающійся заплатить свой долгъ, или взыскивающій то, что ему не принадлежитъ, беретъ перевѣсъ единственно потому, что его противникъ, имѣя всю справедливость на своей сторонѣ, не имѣетъ столько храбрости, сколько онъ.“ Епископы дѣятельно старались объ уничтоженіи судебныхъ поединковъ. Соборы наказывали какъ убійцу того, кто умерщвлялъ на судебномъ поединкѣ, и лишали погребенія убитаго. Они не разъ обращались съ просьбою къ королямъ о томъ, чтобы постановленія церкви о поединкахъ были приняты въ государственное законодательство *).

Можно было бы, мм. гг. еще многое указать въ поясненіе вліянія церкви на различныя стороны положительныхъ законодательствъ и ихъ образованіе въ средніе вѣка; можно бы раскрыть какъ, при содѣйствіи церкви, переработа-

---

требовала справедливость и самое существо дѣла. Для этого, говорятъ, испытаніе производилось въ темныхъ притворахъ церквей и не допускалось въ праздники при стеченіи народа.

*) Наприм. Соборъ въ Валенсіи 855 г., въ 12 кан., вооставая противъ злоупотребленія клятвою на судѣ и запрещая поединки, дѣлаетъ такое прибавленіе къ своему постановленію: christianissimi imperatoris pietatem communi supplicatione implorandam esse, ut *tantum malum* a populo fidelium publicis suis snactionibus amoveat, et nostrum super hoc tam necessarium ecclesiasticum decretum propria auctoritate confirmat. Hefele Consiliengesch.

лись понятія о брачномъ союзѣ и все семейное право Германцевъ; какъ преобразовалось наслѣдственное право по завѣщаніямъ, которыми непосредственно завѣдывала церковная власть; какъ закрѣплены были введеніемъ клятвы различныя обязательства по договорамъ; какъ церковь постепенно вводила болѣе равенства въ распредѣленіи общественныхъ налоговъ и въ пользованіи благами государственнаго союза; какія усилія она употребляла къ улучшенію быта рабовъ и несвободно рожденныхъ и пр. Но я полагаю, что и бѣглаго очерка, мною сдѣланнаго, достаточно для того, чтобы видѣть, какъ глубоко жизнь церкви входила въ государственную и общественную жизнь среднихъ вѣковъ и въ какой неразрывной связи стоитъ право, выработанное церковію (каноническое), съ общимъ движеніемъ и развитіемъ юридическихъ началъ и институтовъ европейскихъ народовъ. Я уже имѣлъ случай прежде замѣтить, повторю и теперь, что эта внутренняя связь обѣихъ сферъ права глубоко почувствована лучшими представителями юридической науки на западѣ и въ классическихъ сочиненіяхъ по исторіи права какъ римскаго, такъ и германскаго (напр. у Савиньи въ его исторіи римскаго права въ средніе вѣка, у Ейхгорна и др.) мы видимъ, на ряду съ глубокимъ изученіемъ источниковъ римскаго и германскаго права, такое же глубокое и спеціальное знакомство съ источниками права каноническаго.

Обратимся теперь къ нашему отечеству.

Вопросъ о вліяніи церкви на установленіе государственнаго строя въ нашемъ отечествѣ и на образованіе нашего древняго законодательства уже не разъ служилъ предметомъ серьезныхъ и спеціальныхъ трудовъ нашихъ ученыхъ историковъ и юристовъ *). Памятники нашего церковно-гражданскаго законодательства не разъ подвергались спеціаль-

*) Таковы, между прочимъ, труды Митрополита Евгенія, барона Розенкампфа и Калачева.

ному критическому изслѣдованію, разлагались на свои составные элементы, сравнивались между собою и съ византійскимъ правомъ. Результатомъ, къ какому приходили наши ученые изслѣдователи-юристы прежде всего было убѣжденіе, что изученіе сборниковъ каноническихъ необходимо для того, чтобы вполнѣ узнать и исчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства; что для уразумѣнія источниковъ, на основаніи которыхъ вполнѣ, или только отчасти, составлены наши древніе юридическіе памятники, намъ слѣдуетъ короче познакомиться съ одной стороны съ источниками нашего церковнаго законодательства, принимая его въ томъ самомъ обширномъ значеніи, какое оно имѣло въ древнемъ періодѣ нашей исторіи, съ другой—съ памятниками свѣтскаго византійскаго права, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которые внесены въ наши сборники и Кормчія *). Такая тѣсная связь между памятниками церковнаго и гражданскаго законодательства въ древней Россіи легко объясняется особеннымъ положеніемъ, какое, съ самаго начала христіанства, заняла у насъ церковь, особенными отношеніями духовенства къ свѣтской государственной власти до Петра Великаго и юридическимъ его значеніемъ въ нашемъ древнемъ обществѣ. Это значеніе было неоднократно раскрываемо въ нашей духовной и свѣтской литературѣ; оно хорошо извѣстно нашему образованному обществу, и мнѣ, Мм. Гг., остается только напомнить вамъ о немъ, сгруппировать въ краткомъ очеркѣ то, что добыто нашими учеными изслѣдователями.

Юридическій бытъ Византіи достигъ полной опредѣленности и законченности въ то время, когда наше отечество подверглось вліянію христіанства и греческаго духовенства, прибывшаго къ намъ вмѣстѣ съ Владиміромъ. Все, что выработалъ римскій практическій геній къ уясненію и опредѣленію юридическихъ отношеній, все что христіанство принесло съ собою въ гражданскій бытъ древняго

*) Къ такому выводу приходитъ Калачевъ въ своемъ изслѣдованіи о Кормчей, при сравненіи съ нею нашихъ юридическихъ памятниковъ, см. стр. 15.

міра—все это въ положительныхъ кодексахъ существовало въ Византіи. Бытъ гражданскій имѣлъ для себя выработанное по началамъ строго-христіанскимъ законодательство Юстиніана, Льва Мудраго, Василія Македонскаго, Мануила Комнина и пр. Бытъ церковный имѣлъ не менѣе точныя опредѣленія въ номоканонахъ Іоанна Схоластика и Фотія. Законодательная эпоха вселенскихъ соборовъ уже окончилась и церковное право вступило на путь научной экзегетической и сравнительной разработки. Со всѣми этими сокровищами было хорошо знакомо греческое духовенство, пришедшее къ намъ изъ Византіи. Вмѣстѣ съ вѣрою оно принесло къ намъ и свои юридическія понятія, свое законодательство, къ которому оно давно привыкло, по которому жило и управлялось.

Задача, которую ему нужно было разрѣшить въ своемъ новомъ отечествѣ, была трудная и разнообразная. Въ странѣ, куда оно пришло, не было ничего напоминающаго объ отечествѣ, изъ котораго оно вышло. Народный бытъ Славянъ еще не сложился въ правильныя гражданскія формы; онъ держался почти на однихъ родовыхъ связяхъ, которыя тѣмъ болѣе слабѣли, чѣмъ далѣе разрастался родъ. Прочной государственной власти, соединенной тѣсными и правильными отношеніями съ своими подданными, не существовало; въ быту семейномъ господствовало многоженство, наложничество, браки въ близкихъ степеняхъ родства, похищеніе дѣвицъ и пр.; въ сферѣ гражданской, при господствѣ родовыхъ началъ, не было ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ смыслѣ; въ сферѣ уголовной былъ полный просторъ проявленію самоуправства необузданной личности, господствовала кровная мѣсть, поединки. Религія, основанная на поклоненіи силамъ природы, тяготила человѣка чувствомъ полной зависимости отъ физическихъ вліяній и видимо клонила душу къ землѣ, связывая мысль множествомъ суевѣрій и различныхъ примѣтъ. Не даромъ Владиміръ, по сказанію саги Олава, всегда веселый и ласковый, становился мрачнымъ и скучнымъ послѣ религіозныхъ обрядовъ и жертвоприношеній.

Такимъ образомъ, кромѣ трудовъ для просвѣщенія народа. новою религіею и именно для того, чтобы обезпечить успѣхи своей миссіонерской дѣятельности, духовенство наше должно было упрочить за собою вліяніе на самый бытъ народа, принять участіе въ организаціи новыхъ формъ государственной и гражданской жизни и перестроивать ихъ по новымъ началамъ. Какими же средствами оно могло достигнуть этой цѣли? Существеннымъ признакомъ отношеній нашей церкви къ государству во всѣ періоды исторической жизни было то, что церковь никогда не старалась захватить въ свои руки, подчинить своей власти устройство гражданскихъ формъ быта народнаго. Для этого была другая самостоятельная власть—государственная, и вмѣшиваться насильственно въ ея распоряженія церковь почитала чуждымъ своей основной задачѣ. Ея отношенія къ гражданскому обществу во всѣ времена были преимущественно нравственныя. Такъ было и теперь. Духовенство поспѣшило познакомить нашихъ князей съ законодательствомъ Византійской Имперіи, съ тѣми правами, какія оно имѣло въ Греціи, *) и наши князья, питавшіе глубокое сочувствіе къ проповѣдникамъ новой религіи, не только предоставили имъ все то, чѣмъ они пользовались въ своемъ прежнемъ отечествѣ, но и значительно расширили кругъ вѣдомства и права церкви. Это было тѣмъ естественнѣе, что дѣло духовенства въ новомъ только организующемся обществѣ было тѣсно связано съ интересами верховной власти. Чѣмъ сильнѣе было образовательное вліяніе духовенства на общество, чѣмъ глубже здравыя юридическія начала, принесенныя имъ изъ Греціи, проникали въ народное сознаніе, чѣмъ правильнѣе устанавливались юридическія отношенія членовъ общества, тѣмъ болѣе вы-

---

*) На это прямо указываютъ наши древнѣйшіе памятники. „Потомъ же, говоритъ св. Владиміръ въ уставѣ, сказа ми вся Митрополитъ еже о Христіанской вѣрѣ, и како св. отцы утвердиша ю на всѣхъ соборахъ.... Потомъ же Митрополитъ сказа ми 7 соборъ Греческихъ и Номоканонъ, и како тіи велицыи Цари не восхотѣша сами судити тѣхъ судовъ, ни вельможамъ, ни боярамъ, но предаша церкви и святителемъ.

игрывала верховная власть, тѣмъ крѣпче и разумнѣе становилась связь ея съ народомъ. Такимъ образомъ единство самыхъ интересовъ должно было соединить обѣ власти— церковную и государственную для совокупной дѣятельности. И вотъ наши князья, начиная съ Владиміра, разверзаютъ греческій Номоканонъ и, пользуясь имъ, устанавливаютъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ юридическое положеніе духовенства въ обществѣ, предоставляютъ его непосредственному вѣдомству и юрисдикціи множество предметовъ и лицъ, по существу не имѣвшихъ прямаго отношенія къ церкви: открываютъ свободный доступъ вліянію духовенства въ самыя внутреннія сферы народнаго быта; приближаютъ къ духовенству народную жизнь, преимущественно съ тѣхъ сторонъ, на которыхъ сильнѣе отпечатлѣлись слѣды язычества и стараго быта и которыя всего менѣе могли быть изглажены мѣрами гражданскими, внѣшними *). При этомъ князья предоставляютъ духовенству, вмѣстѣ съ обширнымъ классомъ лицъ приписанныхъ къ церкви, полную гражданскую самостоятельность и самоуправленіе, свой отдѣльный судъ, сосредоточенный въ лицѣ Митрополита и Епископовъ; обезпечиваютъ его матеріальное положеніе, сообразно съ достоинствомъ и значеніемъ новаго сословія. Мнѣ нѣтъ нужды входить здѣсь въ подробное перечисленіе различныхъ правъ, предоставленныхъ церкви нашими древними князьями, разныхъ лицъ и предметовъ, подчиненныхъ церковному вѣдомству и суду. Все это разобрано, исчислено и разъяснено въ нашей литературѣ и хорошо извѣстно образованнымъ читателямъ **).

---

*) Весь семейный бытъ, со всѣми отношеніями, изъ него вытекающими, со всѣми преступленіями, нарушающими его святость и чистоту, подчиненъ былъ вѣдомству и суду церкви.

**) Памятники древнѣйшаго законодательства, которыми опредѣлялись права и положеніе духовенства въ Россіи, слѣдующіе: Уставъ св. Владиміра (Доп. Акт. Ист. Т. 1, № I); Уставъ Ярослава (Ист. Кирил. Т. II, прим. 108); Уст. Грам. Новгор. Кн. Всеволода Соф. Соб. (Ист. Пр. Макарія Т. II, прим. 467); Егоже грамота цер. Іоан. Предт. (Доп.

Этотъ тѣсный нравственный союзъ государственной власти съ церковною проходитъ чрезъ всю нашу древнюю исторію и объясняетъ замѣчательную близость духовенства ко всѣмъ важнымъ государственнымъ дѣламъ и его участіе въ организаціи нашего общественнаго быта. Та и другая власть, не смѣшивая границъ своей дѣятельности и не нарушая правъ, принадлежащихъ другой, соединяются въ одной взаимной дѣятельности для преобразованія юридическихъ и нравственныхъ формъ народныхъ по новымъ началамъ. Власть государственная близка и доступна вліяніямъ власти духовной, усердна въ содѣйствіи цѣлямъ церкви; власть церковная, ясно сознавая и строго выдерживая различіе между Божіимъ и Кесаревымъ, энергична, и свободна въ справедливыхъ требованіяхъ, близка совѣтомъ и содѣйствіемъ къ власти гражданской.

Я не говорю уже о совмѣстной дѣятельности той и другой власти по дѣламъ, предоставленнымъ уставами непосредственному вѣдомству духовенства. Своимъ участіемъ въ этихъ дѣлахъ свѣтская власть поддерживала нравственное вліяніе духовенства на общество. Есть, Мм. Гг., эпохи въ жизни каждаго народа, когда одно нравственное вліяніе идей оказывается совершенно недѣйствительнымъ, и чѣмъ возвышеннѣе и чище эти идеи, тѣмъ недоступнѣе кажутся онѣ неразвитому пониманію народа. Жизнь, проникнутая противоположными началами и обычаями, слишкомъ быстро сглаживаетъ то, чего можно было бы достигнуть путемъ нравственнаго убѣжденія. Въ такія эпохи приходится дѣйствовать не столько идеями и убѣжденіями, сколько авторитетомъ власти, противопоставлять могущественнымъ старымъ порядкамъ, столько же сильные и обязательные новые порядки, побуждать нестолько къ размышленію, для котораго народъ еще не созрѣлъ, сколько къ дѣятельности по предписаннымъ правиламъ. Въ такія эпо-

---

Ак. Ист. Т. I, № 3); Уст. Грам. Ростисл Мстисл. Смол. Епископіи (также № 4); Уст. Новг. Кн. Святослава (Рус. Достоп. 1, 82—85); Уст. Грам. Вас. Дмит. Митрополиту Кипріану и пр. См. соч. Невол. о церк. судѣ. Ист. Пр. Макарія и мн. др.

хи церковь неизбѣжно нуждается во внѣшнемъ авторитетѣ, который, при болѣе развитомъ сознаніи народа, становится не только не нужнымъ, но положительно вреднымъ.

Въ этомъ отношеніи церковь нашла въ древней Россіи твердую поддержку въ сочувствіи и содѣйствіи княжеской власти. И это содѣйствіе, благодаря раздробленію рода Ярославова и образованію системы удѣловъ (нѣтъ худа безъ добра, по русской пословицѣ), сопутствовало и поддерживало ея дѣятельность на всемъ обширномъ пространствѣ нашего отечества. „Каждый князь, какъ справедливо говоритъ г. Калачевъ, какъ скоро онъ искренно проникнутъ всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдѣльно къ осуществленію великой цѣли вполнѣ утвердить ее въ своей области, а вслѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотношеніе съ ея органами—духовенствомъ и вліяніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были: Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глѣбъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Руси, согласныхъ между собою, или враждующихъ, быстро, на всемъ ея пространствѣ, осуществляются одни и тѣ же явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только тогдашнему законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до нашего времени.“ *)

Примѣровъ такого содѣйствія церкви со стороны государственной власти очень много представляютъ наши лѣтописи и мнѣ кажется именно этою близостію взаимныхъ

---

*) См. о Корнчей Калачева, стр. 4.

отношеній между ними слѣдуетъ объяснить тѣ мѣста нашихъ древнихъ памятниковъ, въ которыхъ самой власти духовной приписывается непосредственное употребленіе гражданскихъ казней, которыми она не могла сама распоряжаться. *)

Для нашей цѣли имѣетъ болѣе важности другая сторона отношеній между государственною и церковною властію именно: то значительное участіе, какое добровольно предоставляли наши князья духовенству въ дѣлахъ государственныхъ, въ законодательствѣ и управленіи. Чрезъ это намъ становится понятно, какое могущественное вліяніе должна была оказывать церковь на юридическій бытъ нашихъ предковъ и какую важную роль долженъ былъ играть при этомъ Византійскій церковно-гражданскій элементъ, принесенный къ намъ духовенствомъ. Способъ, какимъ дѣйствовала при этомъ власть церковная, прекрасно изображенъ въ простомъ и краткомъ разсказѣ преп. Нестора о бесѣдѣ епископовъ съ Владиміромъ. „Жилъ Владиміръ въ страхѣ Божіемъ и сталъ кротокъ: разбойники умножились а онъ не казнилъ ихъ; тогда епископы собрались къ нему и сказали: вотъ умножились разбойники; отъ чего не казнишь ихъ? Боюсь грѣха, отвѣчалъ Владиміръ. Ты, сказали на это епископы, поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и добрымъ на милованіе; должно казнить преступниковъ, только съ разсмотрѣніемъ.“ Владиміръ послушалъ совѣта епископовъ, отмѣнилъ виры и началъ казнить. Но вскорѣ послѣ этого, епископы вмѣстѣ съ старцами снова явились къ князю и сказали: „много рати и войнъ, виры нужны для оружія и коней.“ Владиміръ отвѣчалъ: пусть такъ и будетъ и снова замѣнилъ смертную казнь вирами. **) Этотъ типъ близкаго чисто нравственнаго отношенія церковной вла-

*) Напримѣръ лѣтопись говоритъ о М—тѣ Леонтіѣ, что онъ послѣ напрасныхъ убѣжденій и послѣ отлученія отъ церкви еретика Адріана въ темницу посла его. О М—тѣ Никитѣ Никон. Лѣтопись замѣчаетъ также, что онъ послѣ суда надъ еретикомъ Дмитромъ (1123 г.) послалъ его въ заточеніе.

**) Лѣт. Лавр. стр. 54.

сти къ государственной проходитъ чрезъ всю нашу исторію до Петра Великаго. Владиміръ, по свидѣтельству Степенной книги, *) совѣтовался съ митрополитомъ Леонтіемъ, когда задумалъ о раздѣленіи земли русской между сыновьями своими. О Мономахѣ лѣтопись разсказываетъ, что онъ вмѣстѣ съ Святополкомъ приглашалъ воинственнаго Олега въ Кіевъ на судъ епископовъ съ игумнами, думою княжескою и гражданами, чтобы безпристрастнымъ раздѣломъ владѣній положить конецъ изнурительной междоусобной войнѣ. При такой близости духовенства къ дѣламъ государственнымъ неудивительно, если мы не разъ встрѣчаемъ нашихъ древнихъ епископовъ и митрополитовъ среди народныхъ собраній, или въ думѣ княжеской, принимающихъ живое участіе въ рѣшеніи затруднительныхъ народныхъ вопросовъ. Кіевскаго митрополита Климента мы видимъ на вѣчѣ вмѣстѣ съ княземъ, тысяцкими и боярами по случаю объявленія Изяславомъ войны противъ измѣнниковъ князей Черниговскихъ. Особенно часто является духовенство на вѣчахъ по случаю избранія князей и служитъ посредникомъ при сношеніяхъ народа съ княземъ. Мы встрѣчаемъ его также въ числѣ главныхъ пословъ при заключеніи договоровъ между враждующими князьями, а иногда съ иностранцами. Напримѣръ епископъ Новгородскій Нифонтъ отъ лица всего вѣча является въ Суздаль съ приглашеніемъ Мстислава Георгіевича княжить въ Новгородѣ; чрезъ епископа же приглашаютъ Кіевляне Ростислава въ свою область, на столъ княжескій; при заключеніи договора Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ является духовенство. Оно же является постояннымъ посредникомъ въ ссорахъ и распряхъ князей и хлопочетъ объ ихъ примиреніи, прибѣгая иногда для этого къ строгимъ церковнымъ наказаніямъ (къ отлученію отъ церкви).

Переходя ко временамъ позднѣйшимъ мы находимъ туже близость церковной власти къ дѣламъ государственнымъ.

---

*) Степ. кн. ч. 1, стр 151.

Іоаннъ III, приступая къ покоренію Новгорода, совѣтуется предварительно съ митрополитомъ; потомъ когда въ 1480 г. тотъ же государь, отправившись противъ Ахмата, вступилъ съ нимъ въ переговоры о мирѣ, духовенство убѣдительными посланіями напоминаетъ ему обѣтъ его стоять крѣпко за вѣру и отечество. Въ совѣщаніяхъ Іоанна Грознаго духовенство присутствуетъ наравнѣ съ свѣтскими чинами и энергически порицаетъ его жестокость и злодѣянія. Михаилъ Ѳедоровичъ, кромѣ непосредственнаго вліянія при немъ на дѣла государственныя его отца, патріарха Филарета, пользуется также совѣтами другихъ духовныхъ лицъ въ дѣлахъ государственныхъ *); царь Алексѣй Михайловичъ совѣщается касательно изданнаго имъ Уложенія съ патріархомъ, митрополитами и всѣмъ освященнымъ соборомъ. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ дѣлѣ объ уничтоженіи мѣстничества духовенство занимаетъ первое мѣсто по своему сильному вліянію на уничтоженіе этого гибельнаго остатка прежнихъ родовыхъ отношеній въ нашемъ отечествѣ **). Наконецъ исторія древней Россіи до Петра представляетъ намъ не мало примѣровъ прямаго участія духовенства при изданіи верховною властію узаконеній гражданскихъ и уголовныхъ. Я ограничусь здѣсь немногими фактами. На соборѣ 1551 г. Іоаннъ Грозный говоритъ духовнымъ властямъ, созваннымъ для разныхъ постановленій на основаніи предложенныхъ имъ вопросовъ: да благословился есми у васъ Судебникъ исправити по истинѣ утвердити.... и по вашему благословенію исправилъ и великіе заповѣди написалъ... се прочтите и разсудите, чтобы было дѣло наше по Бозѣ... аще достойно сіе дѣло на святѣмъ соборѣ утвердити... да съ нами жъ нынѣ соборнѣ, во всякихъ нуждахъ посовѣтуйте и поразсудите,

---

*) Напримѣръ въ 1642 г. онъ призывалъ вмѣстѣ съ свѣтскими чинами и представителей духовенства для разсужденія о томъ, должно ли удержать за Россіей Азовъ, взятый Донскими казаками, или отдать его обратно Туркамъ.

**) См. Калачева о Кормчей прим. 3.

уложите и утвердите. А которые обычаи... поисшатались, или въ самовластіе учинено что по своимъ волямъ... о семъ всемъ довольно... посовѣтуйте, духовнѣ же и на средѣ собора сія намъ возвѣстите: и мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ о Бозѣ, еже утвердити во благо неустроенное.*) На соборѣ 1667 г. духовныя власти должны были также отвѣчать на нѣкоторые вопросы, касающіеся свѣтскихъ дѣлъ, которыя находятся въ связи съ церковію, или относятся къ церковнымъ лицамъ, и въ своихъ отвѣтахъ (напримѣръ о казни неисправимыхъ еретиковъ) опирались на Номоканонъ и Гарленопула, на примѣры византійскихъ императоровъ, особенно Юстиніана.

Приведенныхъ мною фактовъ, я полагаю, достаточно чтобы видѣть, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ стояла церковная власть къ государственной въ древней Россіи и какое живое участіе принимала она въ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ общественныхъ и народныхъ. Такая близость и искренность отношеній открыла нашему духовенству возможность проводить свое вліяніе на установленіе государственнаго строя и на образованіе нашего древняго законодательства. Я уже упоминалъ, что духовенство съ самаго начала христіанства въ Россіи познакомило нашихъ князей съ сокровищами византійскаго церковно-гражданскаго права. Оно особенно любило ссылаться на Номоканонъ, и заимствованными изъ него мѣстами подкрѣплять свои доводы. Оно часто указываетъ также и на свѣтскія узаконенія византійскихъ императоровъ. На основаніи этихъ источниковъ духовенство прямо, или посредственно старается склонить нашихъ князей къ измѣненію постановленій и обычаевъ древней Руси, не согласныхъ съ началами государственными, или съ ученіемъ новой религіи и византійскимъ правомъ. Оно напр. заботится объ уничтоженіи разбоя установленіемъ смертной казни на основаніи градскаго закона; запрещаетъ князьямъ отдавать дочерей сво-

*) См. Стоглавъ.

ихъ въ замужество за иновѣрныхъ, продавать христіанъ жидамъ и еретикамъ, признаетъ не законнымъ многоженство и вступленіе въ четвертый бракъ, или въ близкихъ степеняхъ родства и безъ священнаго обряда вѣнчанія. И во всѣхъ этихъ случаяхъ оно опирается на Номоканонъ. Такимъ образомъ чрезъ церковь, чрезъ посредство византійскаго Номоканона, рано переведеннаго на славянскій языкъ, юридическія понятія и институты римскаго права проникаютъ и въ наше законодательство и оставляютъ на немъ глубокія слѣды не только въ содержаніи нашихъ юридическихъ памятниковъ, но даже въ техническихъ, искусственныхъ выраженіяхъ, указывающихъ на зрѣлость понятій и утонченность юридической логики въ источникахъ, изъ которыхъ они перенесены къ намъ. Многія изъ статей нашихъ древнихъ уставовъ, судебниковъ и уложенія непосредственно основаны на постановленіяхъ византійскихъ императоровъ, особенно Константина, Юстиніана, Льва Философа, Исаака и Манупла Комниновъ. Особенно важное мѣсто между ними принадлежитъ Градскому Закону, или Прохирону Василія Македонскаго; особенно много указаній на его практическое значеніе встрѣчается въ нашихъ источникахъ. Многія статьи Уложенія Алексѣя Михайловича непосредственно основаны на Прохиронѣ (см. Калач. о Корм. прим. 49); во многихъ новоуказныхъ статьяхъ повелѣвается прямо уголовныя дѣла рѣшать по Уложенію и градскимъ законамъ. Иногда, кромѣ цѣльныхъ переводовъ византійскихъ памятниковъ, отъ нихъ отдѣляются тѣ части, которыя имѣли особенное употребленіе въ нашемъ судопроизводствѣ и помѣщаются какъ нѣчто самостоятельное и полное въ сборникахъ, назначенныхъ для свѣтской или канонической практики. Таковъ напр. законъ о казняхъ, статьи о бракахъ и пр. По свидѣтельству Карамзина царь Алексѣй Михайловичъ, уже по изданіи Уложенія, въ 1654 г., разослалъ ко всѣмъ воедамъ выписки изъ греческихъ законовъ Номоканона и велѣлъ судить по нимъ дѣла уголовныя. Я не буду утомлять вашего вниманія, Мм. Гг., перечисленіемъ множества различныхъ статей изъ нашего древняго законодательства, на которыхъ болѣе или менѣе ясно

отразились слѣды вліянія византійско-римскаго, церковно-гражданскаго права. Этотъ трудъ не разъ и съ успѣхомъ былъ предпринимаемъ нашими учеными изслѣдователями *). Во всякомъ случаѣ фактъ этого вліянія и то, что главнымъ и единственнымъ его органомъ была церковь въ лицѣ своихъ представителей, что источникомъ, откуда исходило это вліяніе, изъ котораго наши законодатели черпали византійско-римскія юридическія понятія, былъ Номоканонъ, — все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, утверждено и признано въ нашей исторической и юридической наукѣ. Потому-то серьезное и спеціальное изученіе источниковъ каноническаго права Византійской имперіи и нашего церковнаго права, тщательное сравненіе съ ними свѣтскихъ законодательныхъ памятниковъ древней Россіи такъ необходимо для того, чтобы вполнѣ исчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства, понять его духъ, отдѣлить въ немъ наше родное, славяно-варяжское отъ заимствованнаго византійско-римскаго. Тогда только вліяніе Византіи, не одно формальное, но нравственное и интеллектуальное вліяніе византійскихъ государственныхъ идей на нашъ бытъ, на нашу цивилизацію будетъ вполнѣ ясно для насъ.

Другимъ, и кажется, болѣе прямымъ и дѣйствительнымъ проводникомъ вліянія церкви на юридическій бытъ древней Россіи послужило важнѣйшее въ сферѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній право нашего древняго духовенства владѣть обширными населенными землями, въ качествѣ вотчинника. Теперь невозможно опредѣлить количество и размѣры этихъ владѣній; не сомнѣнно только, что такихъ имѣній у духовенства было гораздо болѣе, нежели у другихъ частныхъ лицъ. Для насъ особенно важенъ не столько самый фактъ владѣнія, сколько тѣ права и привиллегіи, которыя съ нимъ соединялись. По господствовавшему въ древней Россіи воззрѣнію съ правомъ владѣнія населенными землями, кромѣ хозяйственнаго завѣдыванія и управленія, кро-

*) См. Розенкампфа и Калачева.

мѣ сбора оброковъ и поземельныхъ доходовъ, соединялись многія функціи государственныя, правительственныя. Между ними самое важное было право суда и наказанія, которое, какъ видно изъ большей части жалованныхъ грамотъ, давалось духовенству вполнѣ, за исключеніемъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій душегубства, татьбы съ поличнымъ и разбоя.

Чтобы понять все значеніе этихъ правъ духовенства въ отношеніи къ его вліянію на юридическій бытъ древняго общества, нужно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Вотчинное право духовенства со множествомъ привиллегій, ему предоставленныхъ. устанавливало и поддерживало самую живую и постоянную связь его съ общею гражданскою администраціею. При современной отчужденности духовенства отъ живаго и непосредственнаго участія въ общественной дѣятельности и интересахъ трудно и представить себѣ, сколько точекъ соприкосновенія съ страною и народомъ, сколько ежедневныхъ, самыхъ живыхъ и постоянныхъ отношеній къ администраціи оно должно было имѣть вслѣдствіе одного только этого права владѣнія населенными землями и суда во всѣхъ гражданскихъ столкновеніяхъ и надъ всѣми почти преступленіями лицъ, жившихъ на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, или отчисленныхъ къ вѣдомству церкви. Мы имѣемъ множество наказовъ, данныхъ духовными властями и монастырями прикащикамъ, которые управляли ихъ вотчинами; не мало дошло до насъ уставныхъ и правыхъ грамотъ, объясняющихъ порядокъ и правила, на основаніи которыхъ духовенство производило свой судъ и расправу; мы знаемъ, что духовенство наше, по примѣру верховной власти, имѣло для управленія вотчинами своихъ особенныхъ чиновниковъ, бояръ, тіуновъ, волостелей, доводчиковъ, праветчиковъ и т. п. Замѣшанное почти во всѣ интересы страны, вслѣдствіе особыхъ правъ ему предоставленныхъ, духовенство не иначе, какъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и живымъ интересомъ должно было слѣдить за каждымъ шагомъ въ развитіи, или измѣненіяхъ нашего законодательства. Теперь

духовенство стоитъ въ сторонѣ отъ всей почти гражданской администраціи; тогда оно поставлено было въ необходимость всю ее знать и слѣдить за нею; при отрѣшенности жизни духовенства отъ общаго движенія жизни государственной и общественной въ настоящее время, при свое образности и исключительности началъ, дѣйствующихъ въ его собственномъ управленіи и судѣ, духовенство естественно не можетъ теперь глубоко интересоваться различными преобразованіями и нововведеніями, большая часть которыхъ проходитъ помимо его и коснется, быть можетъ, его собственнаго быта развѣ своими неизбѣжными послѣдствіями. Тогда напротивъ правительственныя распоряженія и узаконенія по всѣмъ частямъ государственной и общественной жизни составляли предметъ самаго живаго, насущнаго интереса для духовенства. Нужно было знать всѣ уставы, касающіеся поземельныхъ повинностей и разныхъ сборовъ, чтобы при случаѣ, какихъ было много въ древней Россіи защититься отъ притѣсненій воеводъ и намѣстниковъ, мытниковъ и томожениковъ царскихъ. Оно должно было знать подробно гражданскіе судебные законы, потому что въ тяжбахъ, возникающихъ между лицами, подчиненными духовенству и сторонними людьми другаго вѣдомства судъ смѣсный производился органами обѣихъ властей. Наконецъ духовенству нужно было знать и уголовные законы, чтобы не выступать за предѣлы предоставленной ему юрисдикціи, знать мѣру наказаній за преступленія. Притомъ лица, подвѣдомственныя духовной власти даже и въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ не всегда судились безъ участія ея органовъ; иногда духовенству предоставлялось даже право суда и въ такихъ дѣлахъ, докладывая только о своемъ рѣшеніи верховной власти *). А въ уголовныхъ судахъ надъ лицами духовнаго званія, участіе церковной власти признавалось всегда необходимымъ. Безъ духовнаго судьи (закащика) нельзя было даже допрашивать преступника, кромѣ особенныхъ случаевъ, или когда сами ар-

*) См. Калачева о Кормчей.

хіереи отсылали виновныхъ къ градскому суду съ объявленіемъ объ отлученіи преступника отъ священства (Акт. Ист. Т. V. 167. Акт. Эксп. Т. IV, 161).

Такое близкое отношеніе духовенства къ администраціи и интересамъ общественнымъ открывало ему множество путей и способовъ проводить свое вліяніе на управленіе и на лицъ, облеченыхъ правительственною властію въ древней Россіи. Одни собственныя выгоды духовенства, кромѣ другихъ высшихъ цѣлей, могли служить для духовенства достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы заботиться о строѣ земскомъ и дѣйствовать въ духѣ охраненія общественныхъ интересовъ, съ которыми такъ тѣсно были связаны его собственныя выгоды. Съ другой стороны, находясь въ непосредственной юридической связи съ населеніемъ страны, владѣя многими населенными землями, производя въ нихъ судъ, духовенство получило возможность непосредственно прилагать къ земскому быту правильныя юридическія начала и собственнымъ примѣромъ показывать наиболѣе раціональное примѣненіе общей администраціи къ частнымъ сферамъ общественной и народной жизни, наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ закона къ частнымъслучаямъ со стороны другихъ административныхъ властей и въ случаѣ неправды указывать на нее самимъ князьямъ. Такъ оно и дѣйствительно поступало, какъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ посланія нашихъ древнихъ епископовъ къ князьямъ *) о различныхъ дѣлахъ, относившихся къ гражданской администраціи, суду и управленію областей, въ которыхъ они жили.

Кромѣ этой весьма обширной юридической дѣятельности, духовенство въ древней Россіи имѣло еще другую, непосредственно ему подчиненную, въ которой оно могло прямо прилагать византійско-римское церковно-гражданское право къ различнымъ сторонамъ народной жизни, и гдѣ его влія-

---

*) См. посланіе Кирилла, игумена Бѣлозерскаго къ князю Можайскому Андрею Дмитріевичу; посл. къ Шемякѣ, посл. митрополита Фотія о судебныхъ поединкахъ; арх. новг. Ѳеодосія къ царю Ивану Васильевичу и многихъ другихъ.

ніе было особенно важно, можно сказать не замѣнимо. Я разумѣю, судъ духовный надъ всѣми лицами, по дѣламъ, отнесенымъ къ вѣдомству церковной власти. При ограниченности вѣдомства духовнаго въ настоящее время, при малочисленности предметовъ и отношеній, принадлежащихъ духовной юрисдикціи теперь не легко и представить себѣ, какъ широко она захватывала жизнь древняго русскаго общества, сколько разнообразныхъ отношеній она непосредственно опредѣляла на основаніи своихъ собственныхъ началъ и выработанныхъ въ каноническомъ правѣ законовъ. Всѣ семейныя отношенія, дѣла о бракахъ со всѣми ихъ послѣдствіями, иски о безчестіи, отношенія господъ къ своимъ рабамъ, дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ и раздѣламъ имущества послѣ умершаго между его родственниками, всѣ преступленія противъ вѣры, чистоты нравовъ и всякаго рода иски, если истецъ предпочтетъ требовать суда у духовной власти—всѣ эти предметы относились къ вѣдомству духовной власти до самыхъ временъ Петра Великаго *). Прибавимъ къ этому множество лицъ, кромѣ духовенства бѣлаго и чернаго,приписанныхъ къ церкви въ древней Россіи, которыми духовная власть непосредственно завѣдывала, производила надъ ними судъ и расправу какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ.

Въ этой сферѣ духовенство прямо прилагало къ практикѣ юридическія начала, принесенныя къ намъ изъ Греціи и дополненныя собственнымъ законодательствомъ. Въ судопроизводствѣ по всѣмъ вышеуказаннымъ дѣламъ оно, какъ видно изъ указаній многихъ памятниковъ, руководилось номоканономъ, впослѣдствіи кормчими, писанными и составленными въ Россіи по образцу греческихъ и болгарскихъ. Въ эти кормчія оно вносило, кромѣ каноновъ церковныхъ, законы византійскихъ императоровъ, правила нашихъ русскихъ соборовъ, посланія и поученія митрополитовъ къ князьямъ и наконецъ уставы и узаконенія на-

*) См. роспись въ грамотѣ патріарха Адріана архіепископу Колмогорскому Аѳанасію объ епархіальномъ управленіи 1694 года.

шихъ князей и царей. Вотъ почему кормчая содержитъ въ себѣ важнѣйшія источники для того, чтобы достовѣрно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи, или тѣхъ основаній, которыми руководствовалось духовенство въ своихъ правахъ и судопроизводствѣ по предметамъ духовнаго вѣдомства. И вотъ почему вопросъ о значеніи кормчей въ системѣ древняго русскаго права принадлежитъ къ числу самыхъ капитальныхъ вопросовъ въ исторіи нашего древняго законодательства.

Дѣятельность духовенства на пути преобразованій старой языческой жизни нашихъ предковъ по новымъ началамъ, естественно должна была встрѣтить сильное противодѣйствіе, вызвать упорную борьбу съ прежними религіозными представленіями, съ укоренившимися обычаями. Языческая религія нашихъ Славянъ не успѣла, сложиться въ строго опредѣленныя и законченныя формы. Наши предки не развились даже до потребности храма, какъ мѣста для общественнаго богослуженія; сама религія, состоявшая въ поклоненіи стихійнымъ силамъ природы и духамъ предковъ, повидимому, мало нуждалась въ пышныхъ церемоніяхъ. Вездѣ, гдѣ только наглядно обнаруживалось присутствіе и вліяніе силъ природы, гдѣ фантазія младенческаго народа находила конкретные образы для своихъ представленій о божествѣ — на горѣ, въ рощѣ, у колодца Славянинъ являлся съ своею жертвою, съ своими религіозными обрядами. Также мало нуждался онъ въ особенныхъ служителяхъ вѣры — въ жрецахъ. Касты становятся нужны только тогда, когда отдѣльныя сферы общественной и религіозной жизни народа осложняются, обязанности развиваются до мелкихъ подробностей и для своего выполненія требуютъ спеціалистовъ. У Славянъ религіозныя обязанноети были слишкомъ несложны и каждый отецъ семейства, глава рода, легко замѣнялъ собою жреца. Казалось бы поэтому, что при появленіи христіанства и духовенства на Руси, прежняя религія Славянъ должна была пасть сама собою, новыя понятія кажется скоро должны бы покорить себѣ народное сознаніе и перестроить

бытъ. Дѣйствительно христіанство распространялось у насъ безъ внѣшней борьбы, безъ кровопролитій; идолы Перуна въ Кіевѣ и Новгородѣ свергнуты самимъ народомъ; онъ не долго плакалъ объ ихъ участи и самъ же отталкивалъ истукана отъ берега, провожая его умною русскою остротою. Но въ жизни народа осталась другая сфера, куда пріютилось язычество, потерявъ свое общественное значеніе. Язычество нашихъ Славянъ было религіею рода, семьи; жрецами были старшины въ родѣ; алтаремъ — домашній очагъ. Вотъ здѣсь-то, въ Славянской семьѣ долго еще жило, пожалуй и теперь живетъ язычество, съ своими понятіями и обычаями; отсюда оно проникло и въ общественныя отношенія и оставило глубокіе слѣды въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, въ этой двойственности началъ, въ разладѣ теоріи и практики. Нельзя было вдругъ преобразовать родовой бытъ въ государственный, устроить на христіанско-византійскихъ началахъ языческую семью, уничтожить умыканье и разводъ, многоженство и наложничество, браки и связи въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства, въ уголовной сферѣ замѣнить поле и поединки правильными судебными доказательствами, въ сферѣ гражданской ввести правильное понятіе о собственности, о наслѣдствѣ и т. п. Всѣ эти преступленія не только не были преслѣдуемы языческимъ закономъ, но едва ли и считались за преступленія; напротивъ нѣкоторыя изъ нихъ, необходимо вытекая изъ формъ родоваго быта (напр. умыканіе, браки въ близкихъ степеняхъ родства, кровная месть и пр.) были освящены и покровительствуемы обычаемъ.

Такимъ образомъ отсутствіе открытой, кровавой борьбы древняго язычества Славянъ съ вновь явившимся христіанствомъ не служило еще признакомъ торжества новыхъ началъ надъ сознаніемъ, убѣжденіями, и бытомъ народа. Борьба эта должна была совершиться въ другой, болѣе внутренней сферѣ, борьба не такъ ярко бросающаяся въ глаза, но упорная и продолжительная. Она проходитъ чрезъ всю нашу древнюю исторію, можно сказать не окончилась еще и теперь и даетъ себя чувствовать въ различныхъ

повѣрьяхъ и обрядахъ, освященныхъ не запамятною древностію.

Въ этой борьбѣ церковь принимала энергическое участіе и ей мы обязаны постепеннымъ, хотя и медленнымъ искорененіемъ или ослабленіемъ старыхъ обычаевъ, понятій и вѣрованій. Приведу здѣсь нѣсколько особенно яркихъ примѣровъ усиленной дѣятельности церкви и упорнаго противодѣйствія ей со стороны стараго быта и освященныхъ древностію понятій и привычекъ. Извѣстно, что въ уголовной сферѣ у насъ въ древности господствовала кровная месть и самоуправство. Греческое духовенство не вдругъ могло даже понять смыслъ этого обычая и называло его не иначе, какъ разбоемъ, такъ что теперь не легко различать въ памятникахъ древности, какія обличенія со стороны духовенства были направлены прямо противъ кровной мести и какія противъ разбоя въ собственномъ смыслѣ*).

Несмотря на множество энергическихъ обличеній со стороны церкви обычай кровной мести и самоуправства долго еще держался въ практикѣ, и напр. въ Новгородѣ до такой степени господствовалъ, что вооружалъ одну часть города или улицу противъ другой и обращался въ настоящее междоусобіе. Такъ было даже при Іоаннѣ Грозномъ, какъ видно изъ посланія къ нему Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, въ которомъ послѣдній умолялъ царя именемъ Божіимъ положить предѣлъ этимъ безпорядкамъ. Духовенство добилось покрайнѣй мѣрѣ того, что родовая месть и самоуправство перестаютъ существовать на Руси юридически, какъ признанное право, уже со второй половины XI столѣтія, ибо дѣти Ярослава отмѣнили убіеніе за голову и опредѣлили убійцѣ откупаться кунами.

Въ сферѣ семейной у насъ господствовало многоженство, наложничество и браки въ близкихъ степеняхъ родства. Духовенство строго преслѣдовало эти обычаи, говорило,

---

*) Таково напр. дѣло Шемяки съ Василіемъ темнымъ. Между тѣмъ какъ первый, ослѣпивъ великаго князя, оправдывалъ себя долгомъ мести за ослѣпленнаго Василіемъ Васильевичемъ брата его Василія Косаго духовенство обвиняетъ его въ разбоѣ и братоубійствѣ.

что они противны вѣрѣ и *греческому благовѣрному житію*. Митрополитъ Іоаннъ на вопросъ о тѣхъ, которые берутъ себѣ женъ безъ благословенія церкви, почитая его особенною привилегіею для бояръ и поэтому, когда вздумается оставляютъ однихъ женъ и берутъ другихъ, отвѣчалъ, что всѣ они чужды вѣры и отвержены отъ церкви, поэтому церковная власть предписывала немѣдленно расторгать такіе союзы и въ случаѣ ослушанія отлучать отъ церковнаго общенія. Противодѣйствуя языческимъ обычаямъ, духовенство наше ссылается не только на каноны церковные, но и на постановленія Византійскихъ императоровъ; въ ученіи о степеняхъ родства примѣнительно къ брачному союзу оно, строго слѣдуя началамъ каноническимъ, подвергаетъ наказанію даже такіе браки, которые разрѣшались свѣтскимъ византійскимъ правомъ *). Не сомнѣнно, подъ вліяніемъ церкви, взгляды канонического права на бракъ и семейныя отношенія очень рано перешли и въ наше гражданское законодательство; верховная власть признала языческіе семейные обычаи преступными и, узнавъ ихъ свойство чрезъ посредство духовенства, она долго видѣла въ нихъ одно нарушеніе правилъ вѣры и нравственности и потому оставила ихъ въ непосредственномъ завѣданіи церкви, хотя кромѣ церковныхъ установила за нихъ и другія наказанія **).

Въ сферѣ судебной у насъ господствовало *поле*, или поединокъ, какъ судебное доказательство и признано было самимъ законодательствомъ, оставаясь въ немъ до самаго уложенія Алексѣя Михайловича. Церковная власть прежде всего рѣшительно воспретила его въ отношеніи къ лицамъ, принадлежащимъ къ духовенству, опираясь на законы церкви ***). Затѣмъ подвергала строгому церковному наказанію мірскихъ людей, прибѣгавшихъ къ поединку для рѣшенія

---

*) См. Прав. Митрополита Іоанна. Русс. Достопам. ч. 1, с. 97 и 98.

**) См. Уставъ Ярослава.

***) А крестнаго цѣлованія и поль священническому и иноческому чину не присужати ни въ которыхъ дѣлѣхъ посвященнымъ правиламъ Акт. Ист. Т. 1, 155, 273).

своихъ тяжбъ и споровъ, лишала такихъ причащенія святыхъ таинъ; убившаго на полѣ называла душегубцемъ, отлучала отъ церковнаго общенія и причастія на 17 лѣтъ, а убитаго лишала погребенія, угрожая священникамъ за непослушаніе лишеніемъ сана (Акт. Эксп. Т. 1, 369). Подъ вліяніемъ такого взгляда церкви на поле и поединки и въ нашемъ свѣтскомъ законодательствѣ замѣчается стремленіе ограничить распространенность и значеніе обычая. Между тѣмъ какъ по Судебнику Іоанна IV истецъ обязанъ былъ принять вызовъ отвѣтчика, если послѣдній требовалъ поля, по другому вскорѣ изданному постановленію судьи должбыли не прежде допускать поединокъ, какъ по испытаніи всѣхъ судебныхъ мѣръ къ розысканію истины; но и въ такомъ случаѣ, еслибы отвѣтчикъ сталъ отказываться отъ поля, то присуждать, согласно его желанію, крестное цѣлованіе Путемъ этихъ усилій со стороны церковной власти судебные поединки утрачивая постепенно свою силу, наконецъ вышли совершенно изъ употребленія, при томъ, сколько извѣстно, безъ всякаго положительнаго запрещенія со стороны верховной власти *).

Въ заключеніе я позволю себѣ указать еще одинъ, самый гибельный для государства обычай особенно развившійся въ царскій періодъ нашей древней исторіи, — разумѣю обычай служилыхъ боярскихъ родовъ считаться мѣстами и службою своихъ предковъ, или мѣстничество Духовенству принадлежало самое дѣятельное участіе въ искорененіи этого гибельнаго обычая; на него главнымъ образомъ опиралась верховная власть въ борьбѣ съ закоренелыми родовыми понятіями о чести. Это мы видимъ изъ дошедшихъ до насъ указовъ царскихъ, запрещавшихъ считаться мѣстами въ извѣстныхъ случаяхъ **) и въ особенности изъ соборнаго дѣянія объ уничтоженіи мѣстничества, Вотъ отвѣтъ патріарха со всѣми духовными властями, присутствовавшими на соборѣ на вопросъ царя Ѳеодора Але-

*) См. Калач. о Кормчей стр. 54.

**) См. Акт. Ист. 1, 154, Ист. Караиз. Т. XI, пр. 15.

ксѣевича: по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью, всѣмъ разрядамъ и чинамъ быти безъ мѣстъ, или, по прежнему, быть съ мѣсты? „До сего настоящаго времени, отвѣчалъ патріархъ, отъ отечественныхъ мѣстничествъ, которыя имѣлись межъ высокородными, веліе противленіе заповѣданной Богомъ любви чинилось, и яко отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благая начинанія, яко возрастшую пшеницу, терніе подавляло и до благополучнаго совершенія.... не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое жъ враждованіе и ненависть содѣвалась (Собр. Госуд. Грам. ч. IV, 115).

Какъ ни ограниченъ кругъ фактовъ, мною представленныхъ, въ сравненіи съ цѣлою массою ихъ, представляемою нашими древними памятниками и исторіею, однакожъ и тѣхъ, я полагаю, достаточно для того, чтобы считать исторически достовѣрными тѣ выводы, которыя я намѣренъ сдѣлать изъ всего сказаннаго мною.

I. Церковь въ древней Россіи находилась въ тѣсныхъ нравственныхъ отношеніяхъ къ верховной государственной власти и, пользуясь широкими правами, ей предоставленными, принимала живое участіе въ важныхъ государственныхъ событіяхъ, въ вопросахъ политическихъ, законодательныхъ и административныхъ. Совѣтомъ, убѣжденіемъ иногда и мѣрами болѣе рѣшительными она оказывала несомнѣное вліяніе на направленіе этихъ событій и на разрѣшеніе этихъ вопросовъ.

II. Къ древнему русскому обществу и народу церковь поставлена была въ самыя живыя не только нравственныя, но и юридическія отношенія, съ одной стороны вслѣдствіе обширнаго круга предметовъ, предоставленныхъ церковному вѣдомству и управленію, съ другой вслѣдствіе вотчиннаго права съ различными привиллегіями и въ особенности съ правомъ суда.

III. Пользуясь такимъ положеніемъ въ отношеніи къ верховной власти, обществу и народу, церковь имѣла несо-

нѣнное вліяніе на развитіе нашего древняго законодательства и на устройство юридическаго быта нашей страны; чрезъ нее проникъ въ наше право византійско-римскій элементъ; подъ ея вліяніемъ составлены нѣкоторые древніе законодательные памятники наши; она способствовала, частію своихъ вліяніемъ на верховную власть, частію прямымъ противодѣйствіемъ, ослабленію и уничтоженію различныхъ обычаевъ въ государственной, уголовной и гражданской сферѣ, противныхъ общественному сознанію и здоровымъ юридическимъ началамъ.

Въ новой Россіи, начиная со временъ Петра, положеніе церкви и духовенства въ отношеніи къ государству и обществу значительно измѣнилось. Въ этомъ отношеніи, въ нашей исторіи повторились до нѣкоторой степени тѣже самыя явленія, какія мы видимъ въ исторіи большей части государствъ Европы. Окрѣпшая государственная власть, при уяснившемся сознаніи національныхъ потребностей и интересовъ, при пробудившейся потребности народнаго единства и самостоятельности, постепенно начинаетъ собирать въ свои руки, различныя свои функціи, доселѣ раздробленныя, какъ бы отчужденныя отъ нея. Она отнимаетъ у частныхъ лицъ и обществъ одно за другимъ права, которыми они пользовались въ ущербъ единству и интересамъ государства; она изъемлетъ изъ области частнаго права тѣ функціи, которыя, по самому существу своему, имѣютъ характеръ государственный. Увлекаясь новыми реформами, надъ всѣмъ возвышая знамя государственное, все подводя подъ одну точку государственныхъ интересовъ, государственная власть, среди этой горячки преобразовательныхъ работъ, очень нерѣдко переходитъ за предѣлы умѣренности и справедливости, безцеремонно нарушаетъ права общества и частныхъ лицъ, стремится все забрать подъ свою опеку, не исключая и народной религіи и нравственнаго воспитанія, хочетъ регулировать не только юридическія отношенія, но и нравственныя дѣйствія, даже убѣжденія своихъ подданныхъ. Этотъ переходный процессъ мы можемъ наблюдать въ исторіи всѣхъ европейскихъ го-

сударствъ, онъ повторился и у насъ, хотя съ нѣкоторыми очень важными особенностями.

Начиная съ царскаго періода нашей исторіи, прогресивно возрастаетъ въ государствѣ потребность въ службѣ, служилыхъ людяхъ, въ обогащеніи казны. Служба у насъ, какъ извѣстно, условливалась владѣніемъ землею. И вотъ съ того же самаго періода начинаются попытки къ ограниченію вотчинныхъ правъ церкви и духовенства. Государство запрещаетъ отдавать въ церковь вотчины, покупать ихъ или отдавать въ закладъ монастырямъ, отбираетъ церковныя земли и отдаетъ боярскимъ дѣтямъ, съ обязанностію отправлять военную службу, возвращаетъ вотчины роду и племени служилыхъ людей, чтобы въ службѣ убытка не было; постепенно уничтожаетъ тарханныя грамоты у монастырей и церквей, въ разныхъ случаяхъ сравниваетъ духовенство съ прочими землевладѣльцами относительно земскихъ повинностей, заставляетъ церковныхъ и монастырскихъ людей платить подати и земскіе сборы въ казну наравнѣ съ другими подданными. Это стремленіе государственной власти, вначалѣ робкое и нерѣшительное, проходитъ чрезъ все XVII ст. и совершенно ясно раскрывается въ XVIII в. Законодательство Петра довольно рѣзко обозначаетъ стремленія новаго государства, и его идеи, съ различными колебаніями и видоизмѣненіями осуществляются въ теченіе всего прошедшаго столѣтія. Государственное начало превозмогаетъ всюду и все, волею или неволею, преклоняется предъ нимъ. Устанавливая новую форму высшаго церковнаго управленія Петръ точно ограничилъ предѣлы церковной юрисдикціи. Общее, неопредѣленное точными законами, участіе духовенства въ дѣлахъ гражданскаго управленія, обнаруживавшееся въ древности при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, теперь почти прекратилось. Предметы гражданскихъ отношеній, опредѣлявшіеся прежде церковнымъ законодательствомъ, и бывшіе въ вѣдомствѣ духовныхъ властей, теперь большею частію изъяты изъ него и уравнены въ отношеніи къ подсудности со всѣми прочими предметами, а со стороны законодательной опредѣлены правилами, вошедшими въ составъ общихъ гражданскихъ законовъ. Изъ

дѣлъ гражданскаго суда надъ лицами всѣхъ состояній въ вѣдомствѣ церкви остались только дѣла о незаконныхъ бракахъ и бракоразводныя, изъ уголовныхъ—дѣла о богохульствѣ, ереси, расколахъ и волшебствѣ. Само духовенство по дѣламъ тяжебнымъ было подчинено вѣдомству тѣхъ судебныхъ учрежденій, которымъ подсуденъ предметъ тяжбы. Въ отношеніи къ народному образованію государство также береть на себя главную заботу о немъ, предоставивъ завѣдыванію духовной власти собственно тѣ училища, которыя предназначались для образованія дѣтей духовенства съ цѣлію приготовить изъ нихъ служителей церкви (Ук. 1721 г.). Благотворительныя учрежденія отнесены также къ вѣдомству главнаго магистрата (Ук. 1721 г.). Наконецъ вотчинное право церквей и монастырей современи Петра быстро исчезаетъ. Сначала завѣдываніе монастырскими вотчинами поручается монастырскому приказу и предписывается изъ всѣхъ доходовъ, собираемыхъ съ земель монастырскихъ, выдавать монахамъ денежное и хлѣбное жалованье (1701 г.). Тогда же уничтожается юридическая и экономическая автономія архіерейскихъ домовъ; архіерейскія боярскія дѣти и дьяки переписываются поголовно и полагаются въ подушный окладъ, запрещается тратить казну архіерейскаго дома на неокладные расходы и назначается жалованье самимъ архіереямъ. Наконецъ вопросъ объ имущественныхъ правахъ церкви и духовенства окончательно разрѣшается Екатериною II въ 1764 (26 февр.) и всѣ монастырскіе, архіерейскіе и церковные крестьяне отчисляются въ вѣдомство коллегіи экономіи а на содержаніе причтовъ церковныхъ полагается жалованье по разрядамъ. Въ то же время были уничтожены всѣ тарханныя и льготныя грамоты, которыми владѣли церкви и монастыри.

Особенно рѣзко высказались стремленія новаго государства въ тѣхъ мѣрахъ, которыми правительственная власть усиливалась устройть внутренній бытъ духовенства и отношенія его къ приходскимъ общинамъ. Съ одной стороны стремленіе государства всѣхъ и все забрать въ свою службу, чтобы никто въ избылыхъ не былъ, съ другой требо-

ваніе отъ всѣхъ именно матеріальной службы государству, въ которой оно всего болѣе тогда нуждалось—были главными мотивами законодательной дѣятельности относительно духовенства, начиная съ Петра. Рядъ законодательныхъ мѣръ открывается опредѣленіемъ штатовъ приходскаго духовенства и наборомъ въ солдаты всѣхъ лишнихъ и безмѣстныхъ церковниковъ. Такіе разборы духовенства въ продолженіи XVIII в. производятся нѣсколько разъ въ царствованіе Анны Ивановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I. Всѣ лишніе и сверхштатные (кромѣ священниковъ и дьяконовъ) обязываются избрать себѣ родъ жизни, поступаютъ въ гражданскую службу, записываются въ цехи, выходятъ въ крестьяне, селятся на государственныхъ земляхъ; иные приписываются къ помѣщикамъ въ дворовые люди и крестьяне; никуда не приписавшихся забираютъ въ солдаты. Эти кабальныя отношенія вскорѣ обратились въ крѣпостныя. Вообще правительство какъ свѣтское, такъ и духовное стремится всѣми мѣрами уменьшить число духовенства въ Россіи, и увеличить число тяглыхъ людей; запрещаетъ строить лишнія церкви и постройку новыхъ обставляетъ разнаго рода формальностями. Чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о числѣ духовенства, при введеніи ревизіи душъ, еще Петръ приказываетъ подавать ревизскія сказки и одуховенствѣ (кромѣ поповъ и діаконовъ, которые писались въ дополнительныхъ реэстрахъ); затѣмъ всѣ лишніе, заштатные, неученые поповичи и церковники были обложены подушною податью. Чтобы по возможности было менѣе ущерба казнѣ отъ поступленія на духовныя мѣста, правительство дозволяетъ ставить въ священники и діаконы людей духовнаго званія, положенныхъ въ окладъ за помѣщиками съ тѣмъ, чтобы помѣщики платили за нихъ подушныя деньги въ казну. Отсюда образовался у насъ родъ какого-то кабальнаго священства.

Въ періодъ нѣмецкаго владычества надъ Россіею правительству повидимому вполнѣ удается достигнуть своей цѣли. Наборы въ военную службу слѣдуютъ одинъ за другимъ; въ солдаты берутъ всѣхъ отъ 15 до 40 лѣтъ, а при церквахъ оставляютъ только самое необходимое число людей выше и

ниже этого возраста. При этомъ не спасаетъ даже принадлежность къ штату; если и на штатное мѣсто посвящался человѣкъ, который годился въ солдаты, его разстригали и брали въ военную службу. Такимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ духовенство было до того опустошено, что Св. Синодъ изъявлялъ даже опасеніе, какъ бы вовсе не истребилось духовное званіе.

Матеріальное положеніе духовенства въ эту тяжелую эпоху всеобщихъ переворотовъ было самое плачевное. Начавшееся въ XVII ст. надѣленіе вновь построенныхъ церквей пахатными землями и угодьями было прекращено потому, что казалось не сообразнымъ съ интересами правительства, которое было занято вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Петръ Великій хотѣлъ было назначить для содержанія духовенства постоянный доходъ съ приходскихъ душъ; но эта мысль осталась безъ осуществленія. При немъ прекращено было даже то скудное вспомоществованіе церквамъ, которое въ древней Россіи шло отъ правительства въ видѣ годовой денежной или хлѣбной руги *). Уже при Екатеринѣ II послѣдовалъ надѣлъ нѣкоторыхъ церквей землею и опредѣлена цифра платежа за исправленіе требъ. А между тѣмъ въ это голодное время духовенство облагаемо было новыми налогами и разными повинностями то въ пользу школъ и богадѣленъ, то на жалованье полковому и флотскому духовенству, учрежденному при Петрѣ, ставило для войска драгунскихъ лошадей (П. С. З. т. IV. № 2142 идр.) даже обязано было дежурить на съѣзжихъ дворахъ, являться къ офицерамъ для работъ и посылокъ, исправлять повинности пожарныя и ходить къ рогаткамъ на караулъ П. С. З. т. IX. № 6957. т. XI, 8546).

Такъ въ теченіе одного полувѣка измѣнилось юридическое и экономическое положеніе духовенства въ Россіи. Слѣдствія этой перемѣны были весьма разнообразны; я не могъ бы раскрыть ихъ здѣсь всѣ, точно также

---

*) Такихъ церквей при Алексѣѣ Михаиловичѣ насчитывалось въ одной восточной Россіи до 1500. Котоших. стр. 58.

какъ не имѣлъ въ виду представить цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, которыми наше правительство въ XVIII вѣкѣ стремилось опредѣлить общественный бытъ духовенства. Мнѣ нужно было характеризовать основное направленіе и главные мотивы нашего законодательства въ отношеніи къ духовенству, а для этого казалось достаточнымъ указать немногія правительственныя распоряженія, сюда относящіяся. Точно также и теперь я ограничусь только тѣми слѣдствіями новыхъ реформъ въ бытѣ духовенства, которыя особенно отразились на его общественномъ положеніи и отношеніяхъ къ народу, обществу и къ самому правительству.

Со времени Петра отчужденіе духовенства отъ общества и народа, начавшееся еще въ XVII ст., становится особенно ощутительно, земское значеніе его падаетъ, положеніе въ приходѣ дѣлается ненормальнымъ, прежнее выборное начало и договорныя отношенія къ приходской общинѣ исчезаютъ. Причина этого заключается въ приказномъ значеніи, какое дано было духовенству, законодательствомъ Петра. Припомнимъ указы, которыми священникъ обязывался объявлять тайной канцеляріи и преображенскому приказу о сообщенныхъ ему на исповѣди преднамѣренныхъ злодѣйствахъ и о народныхъ соблазнахъ. Подъ этими злодѣйствами разумѣлись не только измѣна, или бунтъ, или злое умышленіе на честь и здравіе Государя и его фамиліи, но даже слова, до высокой Его Императорскаго Величества чести касающіяся. Подъ соблазнами разумѣлось разглашеніе ложныхъ чудесъ и распространеніе суевѣрій въ народѣ (Дух. Регл.) Такимъ образомъ духовный отецъ превращался въ полицейскаго агента и каждый священникъ, при вступленіи въ должность, обязывался присягою доносить о всемъ, кому слѣдуетъ. „Когда Петръ, какъ справедливо сказано въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ, повелѣлъ указомъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди, духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство

народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отнынѣ не безопасно.“ *) Въ эту систему доносовъ, которой слѣдовала наша администрація во всю первую половину XVIII ст. впутано было и духовенство. Ему предписано было преслѣдовать раскольниковъ по своимъ приходамъ, доносить о распространеніи суевѣрій, объ исполненіи прихожанами христіанскихъ обязанностей посѣщенія церквей, поста, исповѣди и причащенія (Регл. о мір. особ. п. 2). Во всѣхъ этихъ случаяхъ священникъ являлся полицейскимъ органомъ правительства, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ полицейскими сыщиками и дозорщиками изъ преображенскаго приказа; его доносъ влекъ за собою судъ и расправу; духовный характеръ его церковной дѣятельности исчезалъ за приказнымъ его значеніемъ, которое было навязано ему господствовавшею тогда системою доносовъ и шпіонства. Печальнымъ результатомъ такого положенія духовенства было полное отчужденіе его отъ народа, который въ большинствѣ враждебно относился къ реформамъ правительства. Духовенство потеряло довѣріе къ себѣ въ народныхъ массахъ, или становилось вмѣстѣ съ народомъ въ ряды противниковъ правительства, защищая старые порядки и обычаи. Среди постоянныхъ колебаній между двумя крайними направленіями оно не могло пристать и къ прогрессивной сторонѣ, на которой стояло правительство и часть общества, сочувствовавшая реформамъ. Консерватизмъ духовенства, не всегда одобрявшаго крайнія мѣры и увлеченія реформами, а иногда открыто становившагося въ ряды приверженцевъ стараго порядка, естественно не могъ внушить къ нему полнаго довѣрія со стороны правительства; за нимъ былъ постоянный и строгій надзоръ; къ новой роли его пріучали, или лучше сказать принуждали

*) Тв. отц. 1862 т. II, стр. 172.

страшными угрозами, тѣлесными наказаніями, ссылками и т. п. Прогрессивная часть общества, быстро слѣдовавшая по новому пути преобразованій, видѣла съ своей стороны въ духовенствѣ людей отсталыхъ, упорно преданныхъ старинѣ, неспособныхъ къ усвоенію новыхъ идей, и не рѣдко выражала къ нему открытое презрѣніе. Такимъ образомъ духовенство въ Петровской Россіи осталось почти совершенно одинокимъ, потеряло свое прежнее земское значеніе, отстранилось отъ народа, но непріобрѣло себѣ сочувствія и въ высшихъ общественныхъ классахъ и въ самомъ правительствѣ. Бѣдность и совершенная необезпеченность матеріальная довершили остальное и духовенство, по выраженію современника Петра Великаго, Посошкова, стало неотмѣнно ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ; мужикъ за соху, и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ за косу... „понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить; а гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетниками хлѣбъ молотить“ *).

Отшатнувшись отъ народа и не въ силахъ будучи слѣдовать за высшими классами по пути реформы и прогресса, духовенство само собою, по естественному порядку вещей, должно было замкнуться въ свою отдѣльную среду. Законодательство ускорило это явленіе и помогло образованію изъ духовенства замкнутаго сословія, какой-то касты, отъ духа и предразсудковъ которой оно не можетъ освободиться и въ настоящее время. Извѣстно, что до XVIII вѣка духовенство у насъ не составляло особаго сословія въ обществѣ; оно слагалось изъ лицъ всѣхъ состояній: на высшихъ ступеняхъ іерархіи встрѣчаются бояре и дѣти боярскія, на низшихъ крестьяне и даже рабы, конечно по освобожденіи ихъ господами (Правило Митрополита Кирилла). Рожденіе отъ духовнаго лица не привязывало родившагося къ духовному званію и занятіямъ и не создава-

*) Сочин. Посошк. стр. 23, 25—28.

ло особенныхъ сословныхъ обязанностей для него. Сынъ поповъ, жившій опричь отца, отдѣльно отъ него, неѣвшій отцовскаго хлѣба, не считался принадлежащимъ къ церковному вѣдомству; точно также поповичъ, не знавшій грамоты, считался *изгоемъ*, напротивъ *смердъ*, знавшій грамоту, свободно поступалъ на церковныя должности. Точно также не было и училищъ спеціально духовныхъ, а были училища общественныя, народныя, земскія. Духовенство конечно играло въ нихъ главную роль потому, что для него образованіе было нужнѣе, ближе къ его профессіи и составляло одно изъ условій для занятія церковныхъ должностей. Таковъ былъ общій порядокъ въ древней Россіи.

Со временъ Петра начинаются существенныя измѣненія въ этомъ отношеніи. И здѣсь, какъ во всѣхъ петровскихъ реформахъ, замѣтно преобладающее надъ всѣмъ вліяніе государственнаго начала, выгодъ и интересовъ государственныхъ, какъ понимались они въ ту эпоху. Правительство больше всего, повидимому, дорожило тѣмъ, чтобы „отъ уклоненія лишнихъ въ духовенство въ государевѣ службѣ не было умаленія и обществу была прибыль“, дорожило матеріальною службою всѣхъ подданныхъ государства. И вотъ начинается постепенный рядъ мѣръ, ограничивающихъ свободный доступъ въ духовенство людей всѣхъ состояній и чиновъ. Сначала это ограниченіе простирается на дворянство, при чемъ кадетамъ—младшимъ сыновьямъ дворянскихъ фамилій еще дозволяется вступать въ духовное званіе (П. С. З. т. V, 2789. п. 15). Изъ пашенныхъ крестьянъ дозволяется принимать въ клиръ только въ случаѣ особеннаго недостатка людей духовнаго званія. Чтобы крѣпче организовать духовное сословіе Петръ, какъ я уже замѣчалъ, предписываетъ вести особыя ревизскія сказки о священно-церковнослужителяхъ и ихъ дѣтяхъ; послѣднихъ приказываетъ насильно, чрезъ военный приказъ, набирать въ греческія и латинскія школы учиться „въ надежду священства, на отцовы и другія мѣста“. Такимъ образомъ съ одной стороны все описанное и найденное во время ревизій на лицо служившее духовенство прикрѣпляется къ церкви, съ другой косвенно проводится мысль о наслѣдственности ду-

ховнаго званія и даже церковныхъ должностей. Сынъ священника или діакона записывается въ школу для того, чтобы приготовляться именно къ церковной службѣ, поступить впослѣдствіи на мѣсто отца. Только однимъ путемъ онъ можетъ уклониться отъ духовнаго званія именно: не учиться въ школѣ; но этотъ путь неизбѣжно долженъ привести его къ солдатской службѣ. Выборъ рода жизни единственный, или лучше сказать, вовсе нѣтъ выбора, а скорѣе принужденіе готовиться къ духовной службѣ. Замкнутости и наслѣдственности духовенства способствовали многія другія распоряженія правительства, не относившіяся прямо до духовенства, но направленныя къ крѣпкой организаціи другихъ государственныхъ сословій. Табель о рангахъ и принужденіе дворянъ къ службѣ сформировала привиллегированное сословіе дворянства; подушная перепись образовала изъ крестьянъ крѣпостное сословіе, укрѣпленное за помѣщиками; дано особое управленіе (въ 1699 г.) посадскимъ купеческимъ и промышленнымъ людямъ и запрещено имъ выходить въ другія званія (П. С. З. 1674, 2220). Одновременно съ такимъ выдѣленіемъ изъ общества различныхъ разрозненныхъ сословій, выдѣлилось и духовенство въ особое, отдѣльное отъ другихъ сословіе, съ спеціальнымъ назначеніемъ нести церковную службу, съ особыми правами и управленіемъ. И въ немъ, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ, не замедлили образоваться свои исключительные интересы, отразившіеся въ дѣятельности церковнаго правительства и его распоряженіяхъ.

Замкнутое въ себѣ духовенство стремится съ половины XVIII ст. учредить для себя особенныя училища и семинаріи и запираетъ ихъ для дѣтей всѣхъ другихъ сословій, а своихъ дѣтей, желавшихъ учиться въ свѣтскихъ училищахъ и выдти изъ духовнаго званія, не увольняетъ. Уже въ 1725 году, когда изъ герольдмейстерской конторы прислано было значительное число недорослей въ Московскую Академію, то ректоръ ея отказалъ имъ и отвѣчалъ конторѣ, „что въ этой школѣ происходятъ во ученіе токмо духовныхъ персонъ дѣти, которые бъ могли въ духовный чинъ происходить“ (Ист. моск. акад. Смирнова стр. 179).

Синодскимъ указомъ 1731 г, рѣшительно запрещено было увольнять дѣтей духовенства въ другія званія, а указомъ Сената 1732 г. было предписано, и въ послѣдствіи неоднократно подтверждено губернаторамъ и воеводамъ не принимать дѣтей священнослужительскихъ ни на какую гражданскую службу, а солдатскихъ, помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ и крестьянскихъ дѣтей отъ духовныхъ школъ отрѣшать и впредь не принимать (П. С. З. т. XIII, 6066). Указомъ 1781 г. было вновь подтверждено „чтобы во священники и дьяконы отнюдь никого не производить, кромѣ семинаристовъ.“ Такимъ образомъ и духовная школа получаетъ спеціальное названіе для одного сословія и запирается для всѣхъ другихъ; и церковная должность, духовная служба становится исключительною принадлежностію духовенства, завѣтною родовою мыслію духовнаго школьника еще на ученической скамьѣ.

Одновременно съ этимъ стремленіемъ духовенства замкнуться въ свою особую среду, у насъ съ половины прошлаго столѣтія устраиваются свѣтскія учебныя заведенія и народныя училища, основанныя совершенно на другихъ началахъ, для образованія свободныхъ сословій. Возникаетъ старѣйшій изъ русскихъ Университетовъ и быстро привлекаетъ къ себѣ общественное сочувствіе. Въ обществѣ, по словамъ митрополита Платона, обнаруживается явное предпочтеніе образованію въ свѣтскихъ школахъ, такъ что духовное начальство должно было насильственно удерживать духовныхъ воспитанниковъ въ стѣнахъ своихъ школъ (см. ист. моск. академіи стр. 351).

Такая сословная замкнутость, особенно при скудости собственныхъ матеріальныхъ средствъ и при охлажденіи народа къ приказному, а не земскому священству, сильно и быстро повредила общественному значенію духовенства и создала даже непріязненныя отношенія къ нему другихъ общественныхъ классовъ. Почти всѣ нити, связывавшія духовенство съ обществомъ, были порваны; остались дно-внѣшнія отношенія по требоисправленію, которыя, при скудости матеріальныхъ средствъ духовенства, подавали нерѣдко поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ и вымо-

гательству. Духовная школа, затворенная для всѣхъ другихъ сословій, оторванная отъ общественной жизни, при бѣдственномъ содержаніи воспитанниковъ, при узкой и односторонней системѣ духовнаго образованія, скоро оскудѣла и нравственно обнищала. Въ семинаріи при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ приходилось набирать учениковъ чрезъ военный приказъ, какъ рекрутовъ, и изъ нихъ большая часть разбѣгалась. Напримѣръ, изъ 1389 учениковъ, набранныхъ въ духовныя школы по 1722 годъ выучено только 93, затѣмъ „оставшіе едва не всѣ синодальной команды бѣжали (П. С. З. т. VII, 4975). И это явленіе повторяется въ теченіи всего XVIII ст. И было отъ чего бѣжать, ибо житіе молодыхъ людей въ школахъ, по выраженію регламента, было *жестокое иноземъ подобное*; школа отрывала своего воспитанника не только отъ общества, но и отъ родительскаго дома.

Такимъ образомъ духовенство, замкнутое въ своей исключительной средѣ, при наслѣдственности духовнаго званія и церковныхъ должностей, неосвѣжаясь притокомъ свѣжихъ силъ отвнѣ, подавленное бѣдностію, безгласное и беззащитное предъ своею властію, не только потеряло свое нравственное вліяніе на общество, но и само оскудѣло умственными и нравственными силами, охладѣло къ движенію общественной жизни и ея интересамъ. Его собственные интересы становились все уже и матеріальнѣе и мало привлекали къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія, Общество охладѣло, въ отношеніи къ духовенству, мало интересовалось его бытомъ и потребностями и стало смотрѣть на священника, со всѣмъ кругомъ его обязанностей и отношеній, какъ на всякаго другаго чиновника, съ которымъ въ жизни иногда неизбѣжно приходится имѣть дѣло и которому слѣдуетъ платить за трудъ и время. Ничто такъ быстро и такъ вредно не могло отразиться на положеніи духовенства, какъ эта именно общественная холодность къ его служенію и обязанностямъ, потому что едвали есть еще сословіе, болѣе чувствительное къ нравственнымъ отношеніямъ, въ какихъ находится къ нему общество—какъ духовенство; и это потому, что обязанности духовенства главнымъ образомъ нравственныя и при исполненіи ихъ

оно особенно нуждается въ нравственномъ сочувствіи общества, въ сердечномъ и искреннемъ отношеніи къ его служенію. Холодность среды, окружающей духовенство быстро должна отразиться на немъ самомъ, на пониманіи имъ своихъ обязанностей. И если механически холодное, но правильное и аккуратное исполненіе должнаго не повредило бы, пожалуй, въ другой сферѣ общественной дѣятельности, то въ священникѣ оно уже есть не сомнѣнный признакъ упадка, равнодушія, и апатіи. Обратить его служеніе въ механизмъ значитъ совершенно убить и сдѣлать его бездушнымъ.

Но какъ ни тяжело отозвались на духовенствѣ правительственныя реформы и общественныя тенденціи прошедшаго столѣтія, какъ ни много по временамъ терпѣли отъ нихъ частныя лица и частные интересы, но историческая сила, приводившая въ движеніе всю новую Русь, была неотразима, преобразованія ею произведенныя были необходимы и неизбѣжны; временная ея напряженность была слѣдствіемъ реакціи противъ старыхъ порядковъ и закоренѣвшихъ обычаевъ; темная разрушительная сила этой реакціи пронеслась, такъ сказать, надъ поверхностію народнаго быта, задѣла главнымъ образомъ внѣшнія стороны его, неоснувшись существенныхъ началъ, вырвала изъ почвы чужеядные наросты, истощавшіе народныя силы, но не разшатала корней. Это въ особенности нужно сказать о церкви и церковной жизни. Какъ ни рѣзко повидимому измѣнилось общественное положеніе ея служителей, какъ немного правъ и привиллегій было отнято у нихъ, какъ ни грубы казались иногда мѣры къ его переустройству согласно съ требованіями государственныхъ интересовъ той эпохи; но ни одно изъ существенныхъ началъ религіозной и церковной жизни нашего народа не было разшатано, искажено и обезсилено. Большая часть привиллегій, какими пользовалась церковь въ старой Руси вмѣстѣ съ нею устарѣла и при новыхъ стремленіяхъ и задачахъ государства скорѣе могла вредить, нежели быть полезною нравственному существу церкви. Съ ними случилось тоже у насъ, что и въ другихъ христіанскихъ государствахъ Европы. До вре-

мени онѣ могли быть нужны и полезны; но съ укрѣпленіемъ государства и съ развитіемъ общества эта опека надъ ними со стороны церкви сама собою должна была рушиться. Но великая разница между церковнымъ бытомъ у насъ и въ другихъ католическихъ государствахъ въ томъ, что всѣ эти привиллегіи и права никогда у насъ несростались съ самымъ существомъ церкви, всегда были чѣмъ-то внѣшнимъ для нея, никогда не основывались на догматѣ, не составляли божественнаго права. Оттого лишеніе ихъ, отреченіе отъ нихъ въ пользу и по требованію государства у насъ ни чѣмъ не могло коснуться самого существа церкви, или исказить ея внутренній образъ. Временно оно могло тяжко отозваться на положеніи частныхъ служителей церкви, поставить ихъ въ ненормальныя отношенія къ обществу, ослабить на время нравственное ихъ вліяніе на народъ, но никогда не могло произвести открытой, или тайной борьбы между церковію и государствомъ, какую мы и до сихъ поръ наблюдаемъ на Западѣ, не могло внушить обществу вражды къ церкви и ея представителямъ, ослабить, заглушить или извратить въ немъ религіозное чувство и благоговѣйное отношеніе къ церкви, не могло разорвать нравственную связь народа съ его духовными руководителями и поставить во враждебныя отношенія къ нимъ.

Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служатъ тѣ событія, которыя совершаются предъ нашими глазами. Настоящее царствованіе, богатое великими и разнообразными реформами по всѣмъ важнѣйшимъ сторонамъ нашей общественной жизни, безъ сомнѣнія составляетъ эпоху и въ исторіи нашего духовенства.

Великія реформы въ бытѣ духовенства, предпринятыя по волѣ нашего Монарха, затрогиваютъ всѣ стороны жизни этого сословія и стремятся влить въ него новую энергію и новыя силы, необходимыя при новыхъ требованіяхъ жизни. Если вникнуть въ существо этихъ реформъ, то не трудно будетъ замѣтить, что онѣ служатъ прямымъ отвѣтомъ на потребности и запросы, поставленные предшествовавшею исторію духовенства. Старыя формы, въ которыхъ

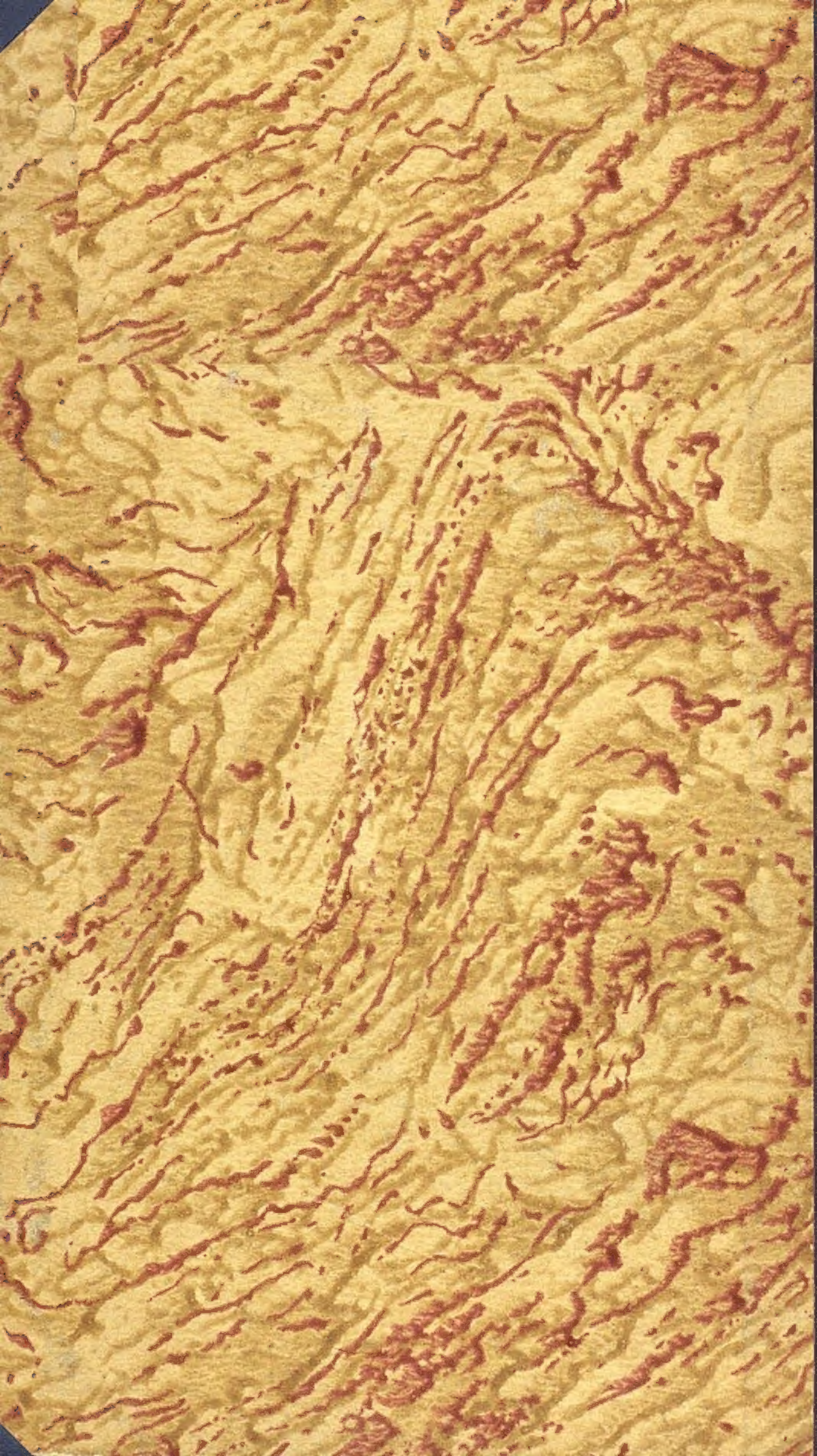
полтора вѣка вращалось и дѣйствовало духовенство, оказались теперь вполнѣ несостоятельными. Теперь, благодаря усвоенному правительствомъ вѣрному взгляду на значеніе духовенства, какъ служителя вѣры и члена общества, старый порядокъ разрушенъ навсегда. Духовное сословіе теперь не составляетъ болѣе отдѣльной касты. Служители церкви по мысли закона должны исходить теперь изъ всѣхъ слоевъ общества; они живые его члены, принадлежащіе ему всѣми сторонами своего внѣшняго быта. Какъ равноправные члены земства, они на одинаковыхъ съ прочими сословіями началахъ, вѣдаютъ общіе земскіе интересы. Замкнутость духовной школы уничтожена и теперь духовно-учебныя заведенія открыты для всѣхъ сословій. Доступъ къ церковнымъ должностямъ открытъ также для всѣхъ; ихъ наслѣдственность, образовавшаяся вслѣдствіе кастоваго характера духовенства, уничтожена — и теперь въ священный санъ могутъ поступать всѣ, получившіе надлежащее богословское образованіе. Самыя дѣти духовныхъ лицъ причислены къ общимъ сословіямъ государства, и такимъ образомъ духовное сословіе въ томъ видѣ, какъ оно существовало доселѣ, упразднено и въ его составъ входятъ только лица, дѣйствительно служащія церкви и носящія духовный санъ. Отнынѣ дѣтямъ духовныхъ лицъ открыты средства къ обезпеченію своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской и общественной дѣятельности. Если служеніе церкви дѣлается теперь достояніемъ всякаго, кто чувствуетъ къ нему призваніе, то, съ другой стороны, и дѣти духовныхъ лицъ становятся полноправными гражданами государства, подобными прочимъ членами общества. Ихъ интересы уже суть общіе интересы; ихъ благосостояніе входитъ въ общую гармонію общественной жизни. Такимъ образомъ стѣна, отдѣлявшая духовное сословіе отъ общества, разрушена и служители церкви призываются волею Монарха къ общественной дѣятельности на разнообразныхъ поприщахъ; земское значеніе духовенства возстановлено и уже отъ него самого будетъ зависѣть расширить и укрѣпить это значеніе. Несомнѣнно, что само духовенство съ благодарностію и полнымъ сочув-

ствіемъ отзывается на всѣ благодѣтельныя реформы правительства. Въ его собственной средѣ уже и теперь замѣчается оживленіе, вѣетъ новый духъ, и тамъ, гдѣ господство старой рутины, облеченной властію, не противодѣйствуетъ ему, онъ обнаруживаетъ себя плодотворными измѣненіями въ жизни и администраціи духовенства. По мѣстамъ вводятся съѣзды представителей духовенства для обсужденія общихъ потребностей и мѣръ къ ихъ удовлетворенію; начинаетъ проявляться выборное начало въ замѣщеніи духовныхъ должностей и консисторская тайна мало-по-малу теряетъ свою прежнюю таинственность. Въ непродолжительномъ, конечно, времени и церковное судоустройство и судопроизводство ожидаютъ важныхъ преобразованій, болѣе раціональныхъ и сообразныхъ съ духомъ и началами новаго, скораго и праваго суда. Конечно эта великая работа преобразованій требуетъ времени и дружныхъ усилій, но несомнѣнно, что уже начало ея обѣщаетъ наилучшія послѣдствія какъ лично для духовенства, такъ для церкви и для всего общества, и отправленіе всѣхъ частей великаго общественнаго организма обѣщаетъ идти правильнѣе и надежнѣе.

Намъ Русскимъ, не только какъ гражданамъ великаго государства, но и какъ членамъ православной церкви, при мысли о всѣхъ благотворныхъ преобразованіяхъ, въ ней производимыхъ, нельзя не проникнуться чувствомъ благоговѣйной благодарности къ ихъ Начинателю и Руководителю.

Н. Соколовъ.

Изъ Московскихъ Университетскихъ Извѣстій № 1-й, 1870 г.


Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.